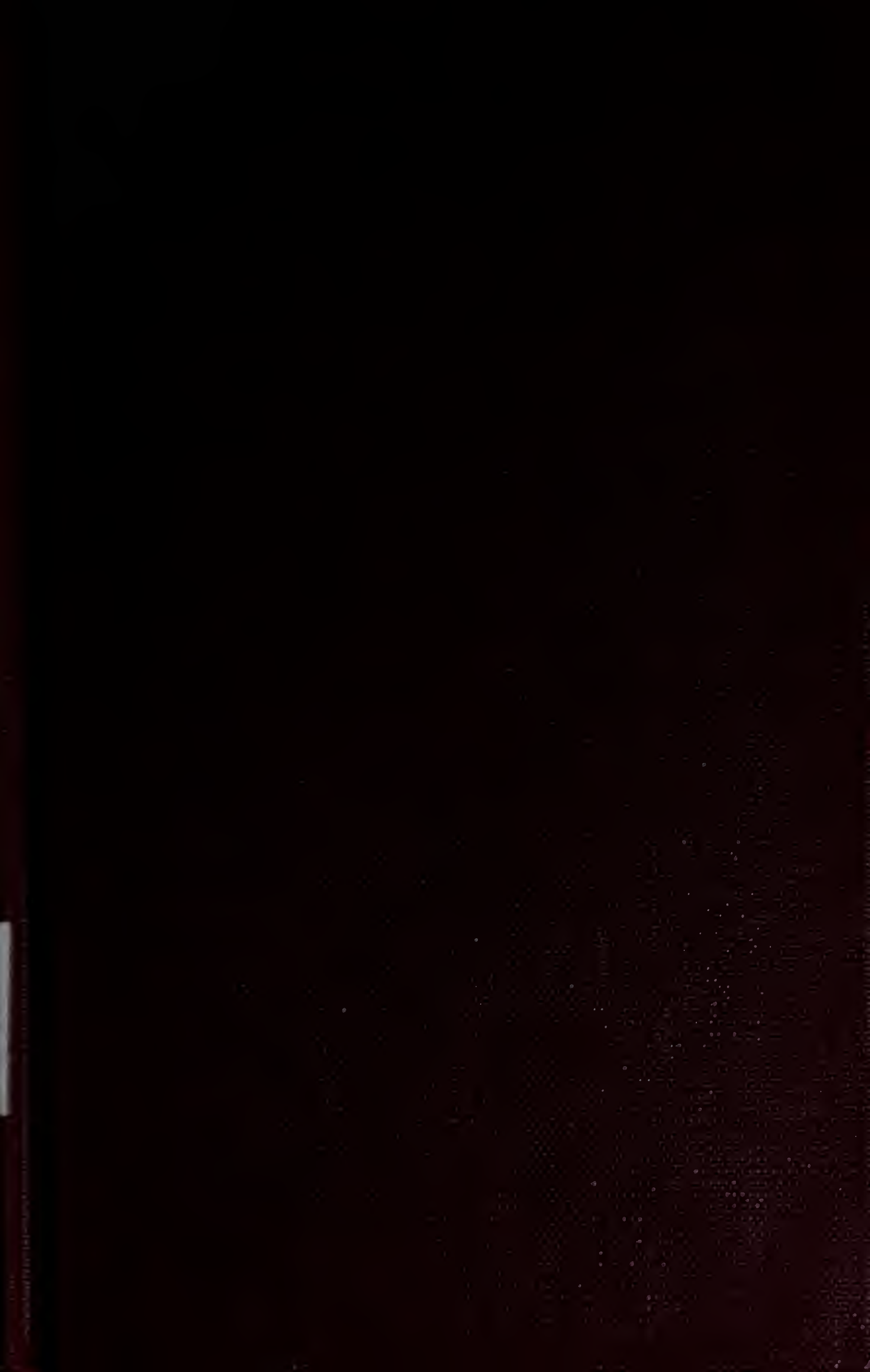

Borozdna, Ivan Petrovich

ОПЫТЫ въ СТИХАХЪ

Ивана Бороздны.

O Poésie! que tu offres de moyens de bonheur ou de malheur à tes amans, les plus favorisés!

Ducis.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1828.

Печатать позволяется съ представленіемъ семи экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для Казенныхъ мѣстъ. Москва, 1828 года, Генваря 24 дня. Книгу сію разсматривалъ въ должности Предсѣдателя, Цензоръ *Сергѣй Аксаковъ.*

Изданіе Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

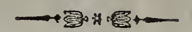
РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

ЭЛЕГІИ.

ПОСЛАНІЯ.

ПОЭМА

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

МУДРЕЦЪ.

Какъ Солнце — вождь свѣтилъ, привѣтственнымъ лучёмъ
Животворитъ весь міръ съ надзвѣзднаго селенья,
Такъ Мудрость—лучшій даръ благаго Провидѣнья —
Нашъ озаряетъ умъ на поприщѣ земномъ!

О! сколь возвышенны восторги мудреца,
Когда, въ священныя минуты вдохновеній,
Молитвы на крылахъ, его могущій геній
Съ благоговѣніемъ къ величію Творца,
Паритъ и бодрственный и смѣлый
Горѣ — въ тѣ тайные предѣлы,

Отколь вселенная душевнымъ очесамъ
Является, какъ нѣкій дивный храмъ!
Гдѣ звѣздъ несчетныхъ міріады,
Торжественный свершая ходъ,
Какъ лучезарныя лампады
Вѣчно-лазуревый осіяваютъ сводъ;
Гдѣ сонмы Ангеловъ, отъ вѣка неразлучныхъ
Зиждителю во славѣ предстоятъ;
И со струнами арфъ небесныхъ, сладкозвучныхъ,
Сліявши гласъ, Творцу немолчный гимнъ гремятъ!

Тамъ сей мудрецъ, счастливецъ сей избранный,
Съ сердечнымъ трепетомъ зритъ Саваоѳа тронъ;
И въ нѣдрахъ вѣчности, ему обѣтованной,
Блаженствомъ райскимъ упоёнъ!
Оттоль, исполненный святаго обаянья,
Онъ возвращается въ свой уголокъ земной,
Гдѣ видитъ снова предъ собой
Великолѣпную картину мірозданья!

Склонитъ ли взоръ окрестъ—повсюду наслажденья!
Вселенной гражданинъ, стремитъ онъ наблюденья
На рядъ въ ней видимыхъ, божественныхъ чудесъ—
На красоту земли и красоту небесъ!

Тамъ тучныя поля ущедрены плодами,
Тамъ свѣтлые ручьи журчатъ въ тиши лѣсовъ,
Тамъ горы высятся до области громовъ,
Тамъ флоты борются съ морями. . . .

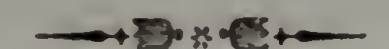
Людей вѣрнѣйшій вождь, мудрецъ
Всего начало, ходъ, конецъ,
Умомъ великимъ измѣряетъ,
Законы тайные природы постигаетъ;
Иль, мыслями разгнавши тму вѣковъ,
На судъ правдивый изъ гробовъ
Зовётъ внимательныя тѣни
Давно-отжившихъ поколѣній. . . .
Онъ убѣждается примѣромъ прошлыхъ дней,
Что дольній міръ—обитель испытанья,
Суетъ, печалей и страданья,
Училище народовъ и Царей!

Но мудрый, въ важныя тѣ мысли углубленный,
Забывъ всю временность сей жизни треволненной,
Бываетъ иногда утѣшенъ самъ собой:
»Смотрю на годовыхъ временъ круговращенье,
»Не участи ль людей оно изображенье?
»И мы живемъ своей весной,

»Какъ цвѣтъ среди родной долины,
»Когда Зефиры прилетятъ
»И дуновеньемъ воскресятъ
»Поля и рощи и равнины!

»Тогда нашъ свѣтелъ небосклонъ,
»Тогда Бореи не ярятся. . . .
»Но, ахъ! весна изчезнетъ, будто сонъ,
»И радости ея умчатся. . . .
»И лѣто ясное за нею въ слѣдъ придётъ!
»Но бури съ гнѣвными громами
»Въ безоблачные дни сбираются надъ нами!
»И наша осень въ свой черёдъ
»Подастъ плоды ласкательной рукою,
»Блеснетъ минутною красою,
»И вдругъ ненастьемъ и грозою —
»Зимы явленье предречётъ! . . .
»Вотъ наша жизнь! Творецъ непостижимый!
»Знать Ты устроилъ сей чудесный ходъ временъ,
»Къ тому, чтобъ человѣкъ, среди мірскихъ премѣнъ,
»Сей странникъ бурями носимый,
»Свое ничтожество всечасно познавалъ;
»Людскую гордость отвергалъ,
»Добру смиренно поучался,
»Въ земномъ небеснымъ наслаждался —
»И всемогущество бъ Твое благословлялъ? . . .»

Такъ мудрости счастливый обожатель
Въ уединеніи бесѣдуетъ съ собой,
Какъ вдохновенный созерцатель
И жизни временной и вѣчности святой!
Въ несчастьи, въ нищетѣ, во мракѣ заточенья,
Въ семьѣ ль, межъ кровныхъ и друзей —
Вездѣ въ душѣ возвышенной своей
Онъ горней мудрости находитъ наслажденья!

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ LV.

Враги противъ меня возстали!
Господь! пребудь же въ дни печали
Ты мнѣ заступникъ и покровъ!
Пусть Филистимлянинъ надменный,
Своею злобой ослѣпленный —
Мнѣ строитъ ухищренья ковъ....

Но устрашусь ли поруганья?
Святаго полный упованья,
Я къ Богу сильному притекъ:
Его всемощные глаголы
Сомкнутъ отверзтый зѣвъ крамолы —
И что возможетъ человѣкъ?....

Моей души повсюду ищетъ
Коварный врагъ, и въ злобѣ рыщетъ
Путями тайными за мной,
Съ ожесточеньемъ и хулою....
Но Ты речешь — и предъ Тобою
Падетъ безумцевъ гордый строй!

О мой Творецъ непостижимый!
Теперь, когда врагомъ гонимый,
Я жду, что̀ скажетъ неба судъ:
Ты не отвергъ мои моленья,
Ты принялъ слезы умиленья
Въ Твой милосердія сосудъ!...

Бѣги же вспять, о врагъ презрѣнный!
Бронею вѣры ополченный —
Не убоюсь твоихъ сѣтей!
Творцу да возгремятъ тимпаны,
И велегласные органы
Хваленія души моей!..

Онъ спасъ ее отъ смертной ночи!
Отъ слезъ мои избавилъ очи,
Усиля крѣпость ногъ моихъ;
Да неколебимой стопою
Предъ правдою Его святою —
Хожу во свѣтѣ я живыхъ!

ПѢСНЬ ФИНГАЛА НА РАЗВАЛИНАХЪ БАЛКЛУТЫ.

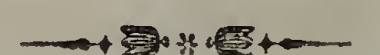
Примѣчаніе: Предлагаемый здѣсь отрывокъ заимствованъ изъ Оссіановой поэмы: *Картонъ*. *Балклута* — былъ городъ, находившійся въ Шотландіи, на берегахъ рѣки *Клуты*. *Комгалъ*, отецъ Фингала, въ войнѣ противъ *Рютамира*, владѣтеля сего города, разрушилъ оный. Фингалъ въ кругу дружинъ и Бардовъ воспѣваетъ падшую Балклуту.

Тебя ужь нѣтъ, о градъ надменный, величавый,
Балклута! грозная владычица пустынь!
Давноль, предѣлъ могущества и славы,
Терялось въ облакахъ чело твоихъ твердынь?
А нынѣ мракъ забвенья надъ тобою....
И свищетъ вѣтръ въ разрушенныхъ стѣнахъ;
И вьётся змій межъ дикою травою —
И враны на твоихъ гнѣздятся высотахъ!
Лишь хищный звѣрь—жилецъ развалинъ одинокой,
Ужасенъ, рыщетъ по лѣсамъ;
Лишь Клуты на брегахъ въ часъ полночи глубокой
Перебѣгаетъ лань по дремлющимъ скаламъ!

Лишь тѣни грозныя дружинъ иноплеменныхъ,
Погибшихъ съ честію средь бранныхъ сихъ полей,
Слетясь въ единый сонмъ, на холмахъ отдаленныхъ
Собрались слышать гимнъ дѣламъ протекшихъ дней!
О Барды! вашихъ арфъ восторженныя струны
Да грянутъ пѣснь хвалы симъ ратямъ и вождямъ!
Здѣсь раздавалися когда-то ихъ перуны,
Какъ громъ грохочущій по мрачнымъ небесамъ,
Какъ яростный полётъ степнаго урагана,
Какъ въ часъ грозы средь океана
Мятежныхъ волнъ неукротимый стонъ!
И сихъ героевъ нѣтъ!... Но суетой плѣнёнъ
Почто же человѣкъ, о царь земли невѣчный!
Чертоги зиждешь ты на гордыхъ высотахъ?
Всѣ блага міра скоротечны!
Придётъ твой часъ—и ты преобратишься въ прахъ!
И улетитъ отрадной жизни сладость!
Уже вино, ліясь изъ чаши круговой,
Не воскреситъ въ душѣ и сердцѣ радость!
Уже не потечешь съ врагомъ въ кровавый бой!
Вѣтръ бурный, посѣтя чертогъ твой опустѣвшій,
Промчится посреди величія слѣдовъ,
Гдѣ ржавѣютъ и щитъ и мечь осиротѣвшій —
Сіе наслѣдье чадъ отъ доблестныхъ отцовъ....
И смолкъ побѣдный громъ, издавна онѣмѣвшій —

Средь мрачныхъ дебрей и лѣсовъ!...
Но сколь удѣлъ назначенъ мнѣ блаженный
Во тьмѣ безчисленныхъ вѣковъ!
Столѣтній Бардъ, сѣдиной убѣленный,
Съ златою арфою на скромный камень мой
Придетъ — и пламеннымъ восторгомъ упоенный,
Меня почтитъ безсмертною хвалой!...

А ты, свѣтилъ путеводитель,
О солнце! жизнь природы всей!
Коль временный ты неба житель —
Тебя переживу я славою моей!...

ПРОЩАНІЕ

Оскара съ Мальвиною.

—•⁂•—

Оскаръ.

Что слышу? бранный рогъ звучитъ!
Фингалъ сзываетъ воевъ!
Мальвина! твой Оскаръ летитъ
Подъ знамена героевъ!
Прости! мы выросли въ бояхъ!
Насъ подвигъ ждётъ любимый. . . .
И я, побѣды на крылахъ,
Примчуся въ край родимый!

Небесный сводъ — тебѣ покровъ!
Твой взоръ яснѣй денницы,
И легкій шопотъ вѣтерковъ,
И голосъ ранней птицы —
Ничто предъ пѣснію твоей!
Передъ тобой, другъ милый,
Ничтоженъ бѣлизной своей —
И лебедь бѣлокрылый! . . .

Такъ, конь мой! противъ страшныхъ сѣчь
Пора намъ въ путь кровавый!
Ты обнажись, отцовскій мечь —
Податель вѣчной славы!
Увы! гласъ чести присудилъ
Разстаться мнѣ съ Мальвиной....
Но день еще не наступилъ!
Надъ спящею долиной

Лежитъ туманъ по небесамъ!...
Но не крушись тоскою;
Не дай свободы ты слезамъ:
Твой другъ еще съ тобою!
И будетъ мыслью прилетать
Къ обители Мальвины,
И будетъ дней возврата ждать
Отъ властныя судьбины!

Когдажъ средь битвъ назначитъ рокъ
Мнѣ съ жизнію проститься:
Въ странѣ пустынной, гдѣ потокъ
Съ протяжнымъ ревомъ мчится —

Надъ прахомъ тлѣющимъ моимъ
Сооруди гробницу,
И тамъ стенаніемъ своимъ
Предупреждай денницу!

И въ часъ, когда безмолвный брегъ
Одѣнется туманомъ,
И легкихъ привидѣній бѣгъ
Увидишь надъ курганомъ;
Тогда привѣта ожидай
Отъ вѣрнаго ты друга,
И тѣнь Оскара обнимай,
Безцѣнная супруга!

Мальвина.

Оскаръ! отецъ мой былъ герой!
Мечемъ владѣть умѣю!
Лечу и я съ врагами въ бой:
Ужель разить не смѣю?

Оба вмѣстѣ.

Простите и лѣса и горы и равнины,
И свѣтлые ручьи Морвенскія страны!
Вамъ долго не узрѣть Оскара и Мальвины:
Имъ слава, или гробъ въ чужбинѣ суждены!..

УМИРАЮЩІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

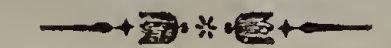
Что слышу? Прозвучалъ священной мѣди звонъ!
Какой я плачущей толпою окружёнъ?
Пылаютъ факелы, собрался клиръ унылый...
Смерть неизбѣжная! я узнаю твой гласъ,
И пробуждаюся еще въ послѣдній разъ
На прагѣ сумрачной могилы!

О искра яркая небеснаго огня!
Покинь сей міръ, душа свободная моя!
Ты персти бренныя лишь срочная жилица!
Прочь цѣпи тяжкія, прочь низкій плѣнъ земной...
Нѣтъ, не ужасенъ гробъ тому, надъ чьей главой
Взошла безсмертія денница!

Такъ, часъ ужъ мой пробилъ—и спалъ съ чела туманъ!
О тайные вожди обѣтованныхъ странъ!
Въ какой чертогъ меня зовете вы съ собою?

Уже я плаваю по огненнымъ волнамъ,
Необозримый путь вдали предсталъ очамъ,
Изчезъ міръ дольній подо мною. . .

Но чтожъ? въ тотъ мигъ, когда горѣ летитъ мой духъ,
За чѣмъ рыданія и вопль терзаютъ слухъ?
Изгнанья спутники! о смерти, вамъ безвѣстной,
Вы плачете! а я изъ чаши роковой
Испилъ забвенье бѣдъ—и радостной душой
Уже у пристани небесной! . . .

ОДИНОЧЕСТВО.

(1822.)

Какъ часто на горѣ, подъ дубомъ наклоненнымъ,
Печально я сажусь вечернею порой;
Блуждая взорами по доламъ омраченнымъ,
Гдѣ вижу и поля и сёлы предъ собой!

Здѣсь пѣнистый потокъ, журча между травою,
Теряется въ дали туманной на лугахъ;
Тамъ плещетъ озеро лѣнивою струёю —
И вечера звѣзда любуется въ водахъ!

Вершина мрачныхъ горъ, увѣнчанныхъ лѣсами,
Блѣднѣющаго дня лучемъ озарена;
И, окруженная сѣдыми облаками,
Задумчиво плыветъ по небесамъ луна!

Съ послѣднимъ шумомъ дня сливая звукъ священный,
Унылый благовѣстъ поля животворитъ.
Прохожій, слушая сей звонъ уединенный,
Къ селенію во храмъ молитвенный спѣшитъ!

Но сихъ плѣнительныхъ картинъ очарованье
Не можешъ возвратить мнѣ чувства прошлыхъ лѣтъ!
Какъ тѣнь бродящая смотрю на мірозданье —
И солнца жизни сей меня не грѣетъ свѣтъ!

А вы, родимые холмы, поля, дубравы,
Утѣшны ли тому, кто одинокъ и сиръ?
Вы можете ль смягчить рокъ злобный и лукавый?
Нѣтъ друга моего — и пустъ мнѣ цѣлый міръ!

Зрю: года времена смѣняются чредою,
И Фебъ свершаетъ путь въ прелестной лѣпотѣ;
Но, какъ цвѣтокъ долинъ, подсѣченный косою,
Я равнодушенъ сталъ къ природы красотѣ!

Когдажь, горѣ полетъ направя легкокрылый,
Я бъ улетѣлъ подъ кровъ безвѣстныхъ тѣхъ небесъ,
Гдѣ беззакатныя и вѣчныя свѣтилы
Разсѣяли бъ густой туманъ моихъ очесъ. . .

Тогда, испивши тамъ въ источникѣ спасенья,
Я бъ упованіямъ нашелъ конецъ благой,
Тогдабъ позналъ добра святыя наслажденья,
Дотоль безвѣстныя въ обители земной!

Почто я не могу съ грядущею зарёю
Достигнуть пристани обѣтованной сей,
Къ которой смертные, сомнительной стопою,
Спѣшатъ путями бѣдъ, печалей и скорбей!

Когда на чистый лугъ слетаетъ листъ дубравной,
То шумный вѣтръ кружитъ его надъ муравой;
И я, и я гонимъ судьбою своенравной:
О бури! и меня несите вы съ собой! . . .

БЛАЖЕНСТВО.

(Застольная пѣснь, въ древнемъ вкусѣ.)

Блаженъ, кто возлелѣянъ богиней Цитеры,
Съ лѣтъ юныхъ вкушаетъ отрады любви!
И радостью взоры его пламенѣютъ,
И скорбь не туманитъ румяныхъ ланитъ!...

Блаженъ, кто за чашей, Фалерномъ кипящей,
Въ привѣтливомъ кругѣ веселыхъ друзей,
Безпечно покоясь на ложѣ роскошномъ —
Всесильному Вакху хваленья поётъ!

Блаженъ, кто въ судилищѣ строгой Ѳемиды
Правдиво владѣетъ вѣсами ея,
Какъ зла неподкупный и вѣчный каратель,
Добра же святаго поборникъ прямой!

Блаженъ, кто, облекшись въ блестящія латы,
На полѣ Беллоны раскинетъ шатеръ....
И мечь бранноносный врага одолѣетъ,
И лавромъ увьется пернатый шеломъ!

Блаженъ, кто спокойно съ долинъ плодоносныхъ
Сбираетъ Цереры благіе дары,
Кто въ хижинѣ мирной, хранимый Пенатомъ,
Проводитъ съ подругой безвѣстные дни!

По всѣхъ ты блаженнѣй, о Феба любимецъ!
Воспитанникъ Музы, безсмертный пѣвецъ!
Ты къ лирѣ — и славы вѣнокъ лучезарный
Зевесъ-жизнодатель вручаетъ тебѣ!...

БОЙ ФИНГАЛА СЪ ДУХОМЪ ЛОДЫ.

Когда придетъ возвратъ дней младости блаженныхъ?
Когда, сіяющій оружіемъ стальнымъ
Изыду я на брань—и межъ враговъ надменныхъ
Еще блесну мечемъ отмстительнымъ моимъ?...
О Сельма! старца взоръ, потушенный годами,
Опять веселые холмы твои узрѣлъ,
И оный день, когда съ Героями друзьями
Фингалъ, сразя враговъ, въ отчизну прилетѣлъ.
Соперники мои — всѣ Барды окружали
Владыку юнаго, и съ арфами въ рукахъ
Своихъ соотчичей побѣды прославляли,
Вездѣ гремѣвшія на сушѣ и моряхъ!
Морвена Государь, на копіе склоненный,
Съ улыбкою внималъ безсмертнымъ ихъ хваламъ,
Мечтой переносясь къ порѣ той незабвенной,
Когда стремился онъ во срѣтенье врагамъ!...
Но ахъ! могучаго героя нѣтъ со мною—
И взоры не найдутъ нигдѣ его слѣдовъ!
Мальвина! все уже окрестъ одѣлось мглою,
Зарница лишь горитъ надъ сумракомъ лѣсовъ:
Пойдемъ. При свѣтѣ семъ на мураву густую

Простершись, пѣніемъ заботы усыпимъ;
Изъ Сельмы принеси мнѣ арфу золотую —
И гласъ твой соедини съ бряцаніемъ моимъ!
Свидѣтель прошлыхъ лѣтъ и дѣлъ Фингала дивныхъ,
Я мужество его прославлю! — Кто дерзалъ
Противустать ему, когда на сопротивныхъ
Мечь побѣдительный онъ грозно обнажалъ?

Уже спустилась ночь на горы и долины,
Умолкнулъ бранный шумъ средь вражескихъ шатровъ,
И шлемы ратниковъ, почившей сномъ дружины,
Златились углями чуть свѣтившихъ костровъ.
Отецъ мой, думою глубокой возмущенный,
Одинъ лишь сладкаго покоя не вкушалъ;
Взоръ томный устремя на брегъ уединенный,
Гдѣ замокъ Иннисторъ въ развалинахъ лежалъ.
Уже Катлинъ, взойдя какъ будто на туманѣ,
Окрестность тусклыми лучами озарилъ;
Когда, покинувъ сонъ въ безмолствовавшемъ станѣ,
Фингалъ въ сосѣдній лѣсъ тропинками спѣшилъ.
Вдругъ буря возстаетъ, ярится вѣтръ летучій,
Вдругъ меркнетъ сводъ небесъ, темнѣетъ блескъ свѣтилъ
И призракъ, разогнавъ сгустившіяся тучи,
Въ огнѣ, въ крови летитъ — и громы окрилилъ!
Сверкаютъ молніи во взорахъ разъяренныхъ,
Въ рукѣ — стрѣла и мечь, послушные перстамъ,

Смерть грозная видна въ чертахъ изнеможенныхъ,
И эхо вторитъ гласъ могильный по горамъ!
Фингалъ, на призрака съ презрѣніемъ взирая,
Воскликнулъ, шествуя безтрепетной стопой:
»Сынъ мрака! да умчитъ тебя гроза ночная
»Крылами быстрыми на чёрный облакъ твой!
»За чѣмъ сей страшный видъ предсталъ передо мною?
»Ты льстишься ль мужество Фингалово смутить?
»Кого ты устрашишь воздушною стрѣлою?
»Кого твой снѣжный лукъ возможетъ побѣдить?
»Носимый бурями въ туманномъ отдаленьѣ,
»Ты уничтожишься, какъ вѣтромъ дымъ пустой,
»Когда въ рукѣ моей, неся тебѣ отмщенье,
»Комгала грозный мечь возблещетъ надъ тобой!»
—»Фингалъ! ужели ты забылъ, что припадаютъ
Мнѣ племена людей въ священныхъ сихъ лѣсахъ?
Покинули мѣста, гдѣ громъ мой обожаютъ,
Гдѣ зрю себѣ алтарь, гдѣ сѣю дланью страхъ?
Возвышу гласъ — и вѣтръ бушуетъ разъяренный,
И возмущается грозою небосклонъ;
Возсяду ль, одинокъ, покоемъ окруженный,
Въ златомъ сіяніи, на свой лазурный тронъ —
И дань приносятъ мнѣ покорные народы!
Рѣшаю участь ихъ властительной рукой!
Тревоги на землѣ и бури всей природы,
Какъ облачный туманъ, вратятся подо мной!»

»Лети жь отЪ глазЪ моихЪ вЪ воздушныя селенья!
»Фингалу кЪ подвигамЪ путей не преграждай!
»ОнЪ никогда твои не возмущалЪ владѣнья?
»Лети — и устрашать героя не дерзай!»
— »Морвена Государь! спѣши кЪ отчизнѣ милой,
Я бурю укротилЪ на яростныхЪ моряхЪ!
У брега корабли — и вѣтерЪ легкокрылой
ШумитЪ чуть слышимо вЪ спокойныхЪ парусахЪ!
Твой славный супостатЪ, твой бичь — владыка Соры,
Которому я вождь вѣрнѣйшій средь побѣдЪ,
Уже сЪ дружинами достигЪ шумящей Лоры —
Бѣги — иль отЪ меня тебѣ пощады нѣтЪ! . . .»
Умолкнул Ъ, и главу ужасную склоняя,
ВЪ Фингала ужь стремитЪ безсильное копье;
Но, неколеблемо оружіемЪ блистая,
На помощь призвалЪ онЪ все мужество свое —
И призрака уже сталь крѣпкая пронзаетЪ,
И мчится стонЪ его по дремлющимЪ лѣсамЪ. . . .
Тѣнь побѣжденная мечемЪ своимЪ вращаетЪ,
И, вЪ дымЪ превращена, несется кЪ облакамЪ!

ОТРЫВОКЪ

изъ Геснеровой поэмы: Смерть Авеля.

Хочу прославить я въ высокомъ пѣснопѣньи
Жизнь прародителей, по ихъ грѣхопаденьи;
И величать того, кто первый изъ людей
Землѣ свой отдалъ прахъ, во цвѣтѣ юныхъ дней
Сраженный братнею губительной рукою!
А ты, среди полей столь дружная со мною
И счастье поселянъ лишь пѣвшая досель,
Покойся, о моя негромкая свирѣль!
Но ты одушеви меня, восторгъ священный,
Которымъ вдохновенъ пѣвецъ уединенный,
Когда онъ, уклонясь подъ свой безвѣстный кровъ,
На брегъ источника или во тракъ лѣсовъ,
Мечтаетъ — и луна привѣтными лучами
Сребритъ эѳирный сводъ, усѣянный звѣздами,
Не слышны хоры птицъ въ кустарникахъ, въ лугахъ
И рѣзвый вѣтерокъ утихнетъ на водахъ.
Едва къ пѣвцу съ небесъ низыдетъ вдохновенье,
Уже отважное его воображенье
Паритъ, стремя свой путь по горнимъ высотамъ
Къ тѣмъ отдаленнѣйшимъ Фантазіи странамъ,

Гдѣ чуды манятъ взоръ, гдѣ красота плѣняетъ,
Гдѣ тысячи оно сокровищъ обрѣтаетъ.
Оттоль, богатствомъ сихъ даровъ отягченò,
Обвороженное, опять спѣшитъ оно
Перелетѣть подъ кровъ безвѣстный, молчаливый...
Тамъ, оцѣня дары, разсудокъ справедливый
Спѣшитъ подать пѣвцу спасительный совѣтъ!
И, новый властелинъ, задумчивый Поэтъ
Блаженствуетъ среди сокровищь сихъ безцѣнныхъ...

Но время быстрое, на крыльяхъ дерзновенныхъ,
Часы мечтанія уноситъ за собой!
А ты, души порывъ прелестный, не земной,
Страсть бодрствовать съ зари вечерней до денницы,
И усладительной гармоніей цѣвницы
Воспламенять добро въ чувствительныхъ сердцахъ:
Ты Геніямъ даешь безсмертіе въ вѣкахъ!
Потомство гробъ пѣвца цвѣтами украшаетъ
И никогда его вѣнокъ не увядаетъ...
А часто грознаго воителя трофей,
Во прахѣ тлѣющій, оставленъ безъ честей!
Иль обелискъ царя безславнаго высокій
Въ пустынѣ позабытъ, старѣетъ одинокій
Среди терновниковъ, сѣдымъ покрытый мхомъ —
И путникъ изрѣдка покоится на нёмъ!

Но струны оживлять свободными перстами
Лишь можетъ Феба сынъ, любимый небесами!
А я, неопытный, незнаемый пѣвецъ,
Нельстяся заслужить безсмертія вѣнецъ;
Души стремленье къ сей мѣтѣ благословляю,
И Музамъ всѣ мои досуги посвящаю!

ЛЕАНДРЪ и ГЕРО.

Презрѣвши ночи мракъ и моря волнованье,
Леандръ къ той башнѣ поспѣшалъ,
Куда онъ часто приплывалъ
Порой вечернею, на тайное свиданье.
Геро, одолѣвая страхъ,
Стонъ Геллеспонтскихъ водъ на берегу внимала,
И, одинокая, въ слезахъ
Къ богамъ мятежныя стихіи такъ взывала:

»Васъ умоляю я, властители морей!
»Разсѣйте скорбь души смущенной!
»Пусть вновь Леандръ мой неизмѣнной
»Домчится, въ срочный мигъ, къ подругѣ юныхъ дней!
»Пускай бездонную пучину
»Покинетъ яростный, враждебный Аквилонъ,
»Пускай на водную равнину
»Зефиры легкіе навѣютъ мирный сонъ!

»Дщерь пѣнистыхъ валовъ, о матерь Купидона!
»И ты внемли моей мольбѣ!
»Моря — покорствуютъ тебѣ,
»Міръ — чтитель твоего могущаго закона!
»Амуръ, Амуръ! благослови
»Въ столь дерзновенный путь Леандра молодаго;
»И для него звѣзду любви,
»Разгнавъ туманъ, зажги средь неба голубаго!

»О радость! о восторгъ! не тщетенъ сердца гласъ!
»Мое услышано воззванье,
»Утихло бурныхъ волнъ стенанье:
»Онъ близокъ нашего блаженства, сладкій часъ...
»Уже мой другъ летитъ стрѣлою
»По тихо-плещущимъ и ласковымъ зыбямъ. . . .
»Минута — и Леандръ со мною!
»Чтожь въ жертву принесу хранителямъ-богамъ?...

ПРОЩАНІЕ ТРУБАДУРА.

Безутѣшно покидая
    Край отчизны милой,
Пѣлъ, подругу обнимая,
    Трубадуръ унылой:
»Развѣвайся знамя брани!
    »Слава предо мною!
»Я отдамъ побѣдѣ дани
    »Сильною рукою!
»Взоръ Елизы — лучь отрады,
    »Не утѣшитъ болѣ
»Юнаго героя взгляды
    »На кровавомъ полѣ!

»Но туда, гдѣ мечь и стрѣлы
    »Сыплются грозою,
»Понесу, осиротѣлый,
    »Я любовь съ собою!

»Будетъ мнѣ она защитой
»Вѣрной, но не зримой;
»Вспять помчится врагъ разбитой
»И стыдомъ гонимой!
»Еслижь бой съ враждебной силой
»Кончу я паденьемъ;
»Мнѣ за доблесть слёзы милой
»Будутъ награжденьемъ!...

МЕЛОДІЯ.

—•※•—

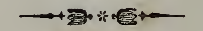
Творецъ! чудеснаго созданья жизнь и свѣтъ!
Не есть ли цѣлый міръ Твое произволенье?
Улыбка ночи, дня плѣнительный привѣтъ —
Всё даръ Твой, все Твоей щедроты прославленье!

Когда вечернія зари послѣдній лучь,
Сквозь мрачную завѣсу тучь —
Осіяваетъ намъ тотъ неба сводъ прекрасный,
Гдѣ кроетъ солнце ликъ свой ясный,
Злашистымъ пламенемъ прощаяся съ землёй:
Творецъ! сей пышный огнь не есть ли отблескъ Твой?

Или, когда туманными крылами,
Которыя усѣяны звѣздами,
Подобно перьямъ птицъ блестящимъ пестротой,
Ночь безмятежная покровъ накинетъ свой

На всё величіе природы,
На горы, на лѣса, на воды:
Творецъ! тогда и свѣтъ и мракъ священный сей
Суть благовѣстники премудрости Твоей!

Когдажь весна вѣчно-младая,
Свое роскошное убранство обновляя,
Изъ странъ невѣдомыхъ на землю низлетитъ:
Твой горній Духъ земли преображаетъ видъ;
И подъ стопой весны, сей гостьи столь желанной,
Которую на радость шлёшь намъ Ты,
Средь муравы благоуханной
Родятся юные цвѣты!
Такъ! такъ, благой Творецъ! весь міръ сей величавый
Есть храмъ Твоей безсмертной славы!

ПРОЩАНІЕ.

Я оставляю край блаженный,
Сей край, всегда любимый мной,
Гдѣ горестью не возмущенный
И не тревожимъ суетой —
Я жилъ въ объятіяхъ свободы!
Простите же поля и воды,
Прости, о сельскій друга кровъ!
Пріюты мирные лѣсовъ,
Мѣста священныхъ вдохновеній,
Средь коихъ небожитель-Геній
Животворилъ меня мечтой!

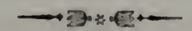
Прости, мой другъ! Зари съ явленьемъ
Ужь мы не встрѣтимъ лучь дневной
Согласной лиры сладкопѣньемъ!
Уже не узримъ мы съ тобой,
Надъ злачными Десны брегами,
Какъ, запряженная часами,

Взнесется на лазурный сводъ
Златая Феба колесница,
И пташекъ мирная станица
Уже надъ рощами вспорхнётъ!
Не отдохнемъ въ тѣни прохладной
Густыхъ, развѣсистыхъ дубовъ,
Гдѣ голосъ дружества отрадной,
Волшебной силой тайныхъ словъ,
Мнѣ изрекалъ обѣтъ священной!

И въ часъ, когда къ мольбѣ смиренной
Вечерній благовѣстъ порой
Сзовётъ селянъ во храмъ родной,
Мы, преклонясь на камень мшистой,
Не оросимъ слезою чистой
Гробъ тѣхъ, ужь коихъ въ мірѣ нѣтъ!
Прости же, счастія обитель,
Гдѣ Провидѣнье въ цвѣтѣ лѣтъ
Мой былъ надежнѣйшій хранитель!
Прости!... безъ кормчаго плывётъ
Мой челнъ, Бореями несомой
Въ края чужбины незнакомой....
И гдѣ онъ пристань обрѣтётъ?
Когдажь въ странѣ обѣтованной
Мнѣ рокъ захочетъ дать пріютъ:
Тогда къ обители желанной,

Гдѣ мирно друга дни текутъ,
Я возвращусь.... заря яснѣе
Взойдетъ для радостныхъ очей,
И лугъ мнѣ будетъ зеленѣе,
И тихій ручеекъ свѣтлѣй!

Тамъ станемъ мы, рука съ рукой,
Воспоминать младые годы,
Дни свѣтлые и непогоды,
Пока единою стезёй
Отыдемъ къ вѣчности святой!..
Такъ мореходецъ посѣдѣлый,
Съ высотъ угрюмыя скалы
Спокойно мещетъ взоръ веселый,
На моря грозные валы....
И видитъ бурныя пучины,
Чрезъ кои нѣкогда преплылъ....

ОССІАНЪ къ СЮЛЬМАЛѢ.

Должно предварить читателей, что предлагаемый отрывокъ принадлежитъ къ большому творенію Оссіана, до насъ не дошедшему. Въ 3-й пѣсни извѣстной его поэмы: *Битва при Теморѣ*, есть отличный эпизодъ о Сюльмалѣ, дочери Витязя, во владѣніи коего находился знаменитый замокъ *Люмонъ*. Полюбя *Катмора*, Государя Еринскаго, она въ одеждѣ воина отправилась въ слѣдъ за нимъ на войну къ *Теморѣ*. *Катморъ* былъ убитъ въ сраженіи — и прекрасная Сюльмала, осиротѣвшая въ странѣ непріятельской, удалилась, какъ говоритъ преданіе, въ пещеру, гдѣ посѣтилъ ее Оссіанъ, на другой день по кончинѣ героя. Бардъ хочетъ утѣшить несчастную и зовётъ ее съ собою въ Морвенъ.

Блесни въ твоей красѣ, блесни, звѣзда Люмона!
Покинь, о милая, пріютъ туманный свой!
Уже утихнулъ громъ въ долинахъ небосклона,
И дубы не шумятъ надменною главой!
Прохладный вѣтерокъ порхаетъ надъ травою;
Всё полно радости средь рощей, средь луговъ!
Сюльмала! ты одна, томимая тоскою,
Клянешь, несчастная, и смертныхъ и боговъ!
Источникъ слезъ твоихъ, всегда неистощимой,

Мнѣ вѣдомъ. Чтожь стенать? И доблести сынамъ
Опредѣленъ конецъ судьбой неумолимой....
Печальный жребій сей Фингалъ познаетъ самъ!

Какъ легкій утра паръ, какъ лучь денницы ясный,
Изчезнулъ милый твой... Но онъ со славой палъ!
Утѣшься! Оссіанъ на арфѣ сладкогласной
Дѣянья витязя потомству передалъ!
Но знай: не зрѣлъ въ бояхъ Катморъ твой незабвенный
Кончины раннія прелестныхъ чадъ своихъ;
И въ замкѣ прадѣдовъ ужь сынъ его блаженный
Изъ кубка полнаго пьетъ радость лѣтъ младыхъ!...
Катморъ! я былъ отцомъ—и счастливъ былъ судьбою!
Оскаръ мнѣ облегчалъ яремъ тяжелыхъ дней!
Настала брань — и чтожь? Оскаръ мой предо мною
Погибъ, какъ юный цвѣтъ, краса родныхъ полей!
И я одинъ влачусь безъ сына и супруги...
Въ Морвенѣ, можетъ быть, меня лишь злоба ждётъ,
Иль сѣти мнѣ плетутъ обманчивые други...
Безсильна длань моя—ктожь старца тамъ спасётъ?
Сюльмала! нѣжная пустыни голубица!
Къ Фингалу поспѣшимъ оплакать жребій свой...
Ужь для тебя моя готова колесница....
Тамъ примиримся мы съ карающей судьбой!..

ПОСЛѢДНЯЯ ОДА ЖИЛЬБЕРТА.

Дерзаю вознестись на крыльяхъ упованья
Къ Тебѣ, вселенныя Творецъ!
Ты узришь скорбь мою и слезы покаянья:
Ты несчастливцевъ всѣхъ отецъ!

Враги мои твердятъ въ ихъ злобѣ безразсудной:
»Погибни съ честью онъ своей!«
А сердцу моему Зиждитель правосудной
Речетъ: »Не бойся козни сей!

»Смотри: твои друзья текутъ въ ихъ сонмъ коварной,
»Всѣ, всѣ горятъ къ тебѣ враждой!
»Кого питаешь ты, и тотъ, неблагодарной!
»Тебѣ ужь платитъ клеветой. . .

»Но Богъ, къ которому болѣзненной душою
»Ты, умиленный, воспарилъ,
»Богъ всепрощающій, съ небесной правотою
»И на тебя свой взоръ вперилъ!

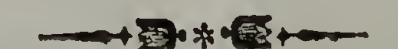
»Я повелю — и судъ потомковъ справедливый
»Заглушитъ всѣ хулы людей;
»И укротится врагъ надменный и кичливый —
»Не омрачивъ души твоей!«...

О! будь благословенъ во вѣкъ міровъ Содѣтель!
Всегда десницею святой,
Столь защищающій прямую добродѣтель —
И въ здѣшней жизни, и въ другой!

На пиршествѣ земномъ гость скучный и унылый,
Мелькнулъ я — и мой часъ звучитъ!
Умру — и мной давно желанныя могилы
Никто слезой не ороситъ!

Простите же поля моей отчизны мирной,
И вы, тѣнистые лѣса!
И ты, шатёрЪ людей, о неба сводЪ эѳирной,
И всѣ природы чудеса!

Пусть долго вашею любуется красою
Толпа гонителей моихЪ!
Пусть жизнь имЪ будетЪ рай, пусть дружнею руною
На вѣкЪ сомкнутся очи ихЪ!....

КЪ ЭЛЬВИРѢ.

Такъ! имя Цинтіи поднесь еще твердитъ
Немолчный Аніо среди долинъ Тибура,
Еще Воклюзъ твое хранитъ,
О незабвенная Лаура!
И будетъ всѣмъ вѣкамъ Феррара говорить
Объ участи Элеоноры! . . . .
Блаженна смертная, могущая плѣнить
Своей красой Поэта взоры!
Она умрётъ — но Музъ питомецъ сей
Прославитъ милую — и, свыше окрыленный,
Во храмъ безсмертія священный —
Умчится вмѣстѣ съ ней! . . .
Когда попутный вѣтръ, средь волнъ неодолимыхъ,
Мой донесетъ челнокъ къ желаннымъ берегамъ;
Когда блеснетъ мнѣ лучь свѣтилъ незаходимыхъ;
Когда подруги вопль, столь внятный и богамъ,
Замедлитъ часъ моей кончины неизбѣжной. . . .
Тогда (о Аполлонъ! прости любовь мою!)
Быть можетъ, уравнить дерзну съ сей страстью нѣжной
Я гордость смѣлую свою:

Ударю по струнамъ — и въ звучномъ пѣснопѣньѣ,
Изобразя сердецъ восторгъ и упоенье —
Оставлю памятникъ любви моей былой!
Такъ пѣшеходъ, уставъ въ полдневный лѣта зной,
Садится отдыхать деревъ въ тѣни привѣтной,
И имя на корѣ завѣтной —
Спѣша въ свой путь, чертитъ усердною рукой!

Смотрю на быстрыя премѣны всей природы:
Земля плодовъ, лѣса убранства лишены,
Среди пучинъ морскихъ рѣка теряетъ воды,
Дыханьемъ грозныхъ бурь луга обнажены;
И осень, шествуя привычною стезёю,
Пророчитъ ужасы и хладъ зимы сѣдой!
Какъ мощный исполинъ, отмстительной стрѣлою
Всё сокрушающій подъ гнѣвною стопой,
Лихое время, сей гигантъ неукротимой,
Со смертію неутомимой
Надъ міроздаміемъ паритъ;
И, измѣня его непостоянный видъ,
Всё на пути своемъ забвенью обрекаетъ!
Такъ лѣта быстраго златый вѣнецъ спадаетъ
Подъ острымъ лезвеемъ серповъ,
Такъ осень въ сельскія кошницы похищаетъ
Съ лозъ виноградныхъ дань ихъ пурпурныхъ плодовъ!

И вы изчезнете, цвѣты сей жизни бренной,
О младость, о любовь, о прелесть, даръ мгновенный,
Завидный и самимъ богамъ!
И вы изчезнете, коль Геній вдохновенный,
Безсмертія не завѣщаетъ вамъ!
Смотрю на юность я очами состраданья:
Сколь къ наслажденіямъ земнымъ она жадна̀!
Но чашу радости когда допьетъ она,
Что ей останется? едваль воспоминанья!
Въ ней самую любовь затмитъ печальный прахъ
Всеизмѣняющей могилы. . . .
А ты, Эльвира, другъ мой милый,
Ты будешь жить въ моихъ стихахъ! . . .

РОМАНСЪ.

(*Un Troubadour, trompé par son amie*, и проч.)

Обманутый своей подругой милой,
ТакЪ ТрубадурЪ, вздыхая, напѣвалЪ:
»НамЪ льститЪ привѣтЪ надежды легкокрылой;
»Но кто ея измѣнЪ не испыталЪ?

»Едва цвѣтокЪ распустится весною,
»Уже плода мы сладость познаёмЪ;
»И сердце такЪ надежды красотою
»Плѣняется, какЪ раннимЪ тѣмЪ цвѣткомЪ!

»А онЪ, вдали предвозвѣщая грòзы,
»Не тщетно ли насЪ тѣшитЪ иногда?
»Плѣнительны святой надежды розы..
»Но часто цвѣтЪ отраднѣе плода!...

ТРИ СНА.

Недавно, недавно ты видѣлась мнѣ
Въ трехъ снахъ, незабвенная Нина!
О радость! еще насъ свела хоть во снѣ,
На вѣкъ разлучивши, судьбина!

Въ сонъ первый огнь тусклый въ глазахъ чуть сіялъ,
Надмененъ былъ взоръ твой унылый:
Ахъ! Нина, въ тебѣ я тогда не узналъ
Красавицы, вѣчно мнѣ милой!

Во снѣ же второмъ ты была веселѣй,
Привѣтнѣй, съ улыбкою страстной:
Но, ахъ! не услыша знакомыхъ рѣчей,
Опять не узналъ я прекрасной....

Когда же *въ сонъ третій* святая любовь
Призвала тебя на свиданье,
И ты мнѣ со вздохомъ промолвила вновь
Понятное сердцу признанье;

Тебя я узналъ.... но восторга полна,
За чѣмъ ты, о другъ несравненный,
Меня разбудила отъ сладкаго сна?
То *счастія сонъ* былъ мгновенный!

ПРИЗВАНІЕ.

Ты, мнѣ представшая въ пустынѣ жизни сей,
Жилица тайныхъ странъ, гость міра перелетный!
О ты, которая средь ночи безразсвѣтной —
Воспламенила огнь любви въ душѣ моей!
Явись моимъ очамъ во всемъ очарованьѣ,
Отечество свое и имя мнѣ открой!
Ты родилась ли подъ луной,
Иль божества ты лишь одно дыханье?

Заутра дольній міръ покинешь ли опять?
Иль въ семъ изгнаніи, средь горя и страданья,
Свой путь томительный всё станешь продолжать?
О! гдѣ бъ ты ни была, услышь мои воззванья!
Не отвергай, прекрасный Геній мой,
Любви и чистой и святой!

4*

Будь мнѣ вождёмъ, внуши повсюду дерзновенье,
Твоихъ шаговъ лобзать хотя единый прахъ;
Когда же улетишь, на пламенныхъ крылахъ,
Подруга Ангеловъ, въ надзвѣздное селенье:
Здѣсь возлюбя меня хоть на одно мгновенье —
О мнѣ ты вспомни въ небесахъ!...

—◆—

МИНВАНА.

На высотѣ скалы крутой,
Въ тоскѣ, печальная Минвана,
Смотря на волны океана
Узрѣла сквозь туманъ сѣдой
Дружины шумныя героевъ,
Которые съ кровавыхъ боевъ,
Блестя оружіемъ стальнымъ —
Плыли въ ладьяхъ къ брегамъ роднымъ!
О! веселъ ясный день возврата!
Отъ милыхъ имъ готовъ привѣтъ!
Но сколь тяжка твоя утрата,
Минвана, дѣвъ Морвенскихъ цвѣтъ!
Рино, женихъ твой незабвенной,
Сраженъ въ чужбинѣ отдаленной. . . .
И, волю давъ своимъ слезамъ,
Такъ безотвѣтнымъ небесамъ
Она передавала стоны:
»Въ какой странѣ, другъ вѣрный мой!
»Воздвигли холмъ вѣчно-зелёный,
»Подъ коимъ спишь въ землѣ сырой?

»Какъ прежде, рога звукъ привѣтной
»Уже порой передразсвѣтной,
»Не призовётъ во мракъ лѣсовъ
»Тебя за сернами на ловъ!
»Онѣ, примчавшися стадами
»На мшистый камень гробовой,
»Лишь топчутъ быстрыми ногами
»И мечь и щитъ и панцырь твой!

»А ты, въ убѣжищѣ могилы,
»Забылъ весь мiръ, о витязь милый!
»Но я, не покорясь судьбѣ,
»Столь злой, безжалостной къ тебѣ,
»Прерву сердечные недуги....
»Заутра въ области земной
»Ужь не найдутъ меня подруги....
»Заутра буду я съ тобой!«...

НЕЗАБУДКА.

(1822.)

Унеси, Пенейка тихая!
На лазуревыхъ зыбяхъ своихъ,
Сей цвѣточикъ-незабудочку
Въ ту страну благословенную,
Гдѣ живётъ мой милый другъ!

Пусть слеза моя горючая,
Посребрившая цвѣточикъ сей,
Упадётъ на травку нѣжную
Брега мирнаго, прекраснаго,
Гдѣ живётъ мой милый другъ.

Донеси, о незабудочка!
Сердца вздохи непритворные

Подъ то небо вѣчно-ясное,
Гдѣ, какъ роза одинокая,
Мой цвѣтётъ невѣрный другъ!

Можетъ быть, когда въ привычный часъ
Съ красотою обновленною,
Близь рѣки своей родимыя
Выйдетъ встрѣтить утро свѣтлое,
Пригорюнившись, мой милый другъ;

Ты всплывёшь, о незабудочка!
Надъ водами тихо-струйными;
И рукой нетерпѣливою,
Можетъ быть, тебя привѣтливо
Приманитъ мой милый другъ!

Можетъ быть, мнѣ измѣнившая
Оправдаетъ увѣренія!
Можетъ быть, на незабудочку
Слёзы чистаго раскаянья
Ты прольёшь, мой милый другъ!

Можетъ быть, опять въ душѣ твоей
Возгорится огнь погаснувшій;
И, воспомнивши протекшее,
Ты меня полюбишь вновь,
О мой незабвенный другъ!

СМЕРТЬ ГИДАЛЛАНА.

—•⁂•—

Предисловіе. Брачный союзъ Фингала съ прекрасною Комалою остановленъ былъ нападеніемъ на его страны Царя чужеземнаго. Отправляясь на сраженіе, Фингалъ покинулъ свою любезную на холмѣ и обѣщалъ въ тотъ же вечеръ съ нею увидѣться, въ случаѣ благополучнаго окончанія битвы. Оставшись побѣдителемъ, онъ послалъ *Гидаллана* къ *Комалѣ* съ извѣстіемъ о своемъ возвращеніи. Сей послѣдній, желая отмстить красавицѣ за ея къ нему презрѣніе и равнодушіе, объявилъ, что Фингалъ погибъ въ сраженіи. Государь, спустя малое время возвратился, и Комала умерла отъ радости. Фингалъ наказалъ Гидаллана изгнаніемъ изъ Морвена.

Изъ Морвенскаго зáмка Фингаломъ изгнáнъ
Безутѣшный, печалью и гнѣвомъ томимый,
Проплывая потоки, младой Гидалланъ —
Приближался задумчиво въ край свой родимый.
Онъ ужь три дни, по мрачнымъ скитаясь горамъ,
Зрѣлъ окрестъ себя дебри, утесы, пустыни;
Но въ четвертый разъ утро блеснуло очамъ —
И вблизи ужь примѣтилъ онъ Балвы твердыни.

Въ тѣ минуты отецъ его мирно встрѣчалъ
Подъ развѣсистымъ дубомъ явленье денницы,
Старины незабвенной онъ пѣснь повторялъ. . . .
Но слезились сомкнутыя старца зѣницы,
Когда онъ возмущался внезапной тоской,
Вспоминая о миломъ, единственномъ сынѣ,
Увлеченномъ на славный за родину бой!
Вдругъ послышался шорохъ въ сосѣдней долинѣ. . . .
И слѣпецъ, содрагаясь, пѣснь мира прервалъ;
Онъ пришельца безвѣстнаго такъ вопрошалъ:

ЛАМОРЪ.

Что я внемлю? ужели шаги Гидаллана?
Иль витаетъ здѣсь призракъ — жилецъ облаковъ?
О мой сынъ! украшенье Фингалова стана,
Ты погибъ ли средь мрачныхъ Каррона бреговъ?
И ужель я утѣшусь одной твоей славой?
Но коль живъ ты, гдѣжь доблестныхъ витязей строй?
Не въ цѣпяхъ ли, не въ битвѣ ль погибли кровавой?
О! я помню, какъ съ ними къ край отческій свой,
Возвращался когда-то изъ странъ ты враждебныхъ,
При звучащемъ оружьи и кликахъ побѣдныхъ!

ГИДАЛЛАНЪ.

Нѣтъ, отецъ мой, нѣтъ, витязи нашихъ дружинъ
Супостатовъ сразили на поприщѣ боевъ;
Вѣрь — безсмертная слава удѣлъ сихъ героевъ;
Но ея отчужденъ злополучный твой сынъ!

Ламоръ.

Какъ? уже ли забылъ ты, что бранной годиной
Всѣ твои праотцы, презирая покой,
И дышали и жили побѣдой единой?
Посмотри: подъ симъ камнемъ, заросшимъ травой,
Почиваетъ сномъ вѣчнымъ мой славный родитель!
Тыль не слышишь меня призывающій гласъ:
»О Ламоръ! не далёкъ ужь послѣдній твой часъ,
»Пусть могила отца будетъ сына обитель!«...
Но, о гробъ Гермалона! моимъ ли костямъ
Успокоиться, мирно въ тебѣ почивая?
Гидалланъ, честь и слава родимаго края,
Измѣнилъ ужь героя священнымъ правамъ!...

Гидалланъ.

О шуманныя Балвы могущій властитель!
Сколь неправеденъ гнѣвъ твой и грозный упрёкъ!
Не рожденъ я для нѣги, враговъ я губитель:
Но, увы! погубилъ меня хитростный рокъ!...
Знай, отецъ мой, незапно скончалась Комала,
Красота дѣвъ Морвенскихъ, невѣста Фингала;
И сей Царь, мня, что я былъ виновникъ бѣды,
Мня изгнаньемъ насытить безумное мщенье,
Произнёсъ приговоръ свой — и воевъ ряды
Содрогнулись, узрѣвши мое поношенье!....

Царь жестокій мнѣ рекъ: »браноносный твой мечь
»Обезсиленъ и празденъ да будетъ отнынѣ!
»Недостоинъ ты славы средь гибельныхъ сѣчь. . . .
»Удались—скрой позоръ твой въ далекой пустынѣ!«..

Ламоръ.

О! когда съ облаковъ свой разгнѣванный взоръ
Низведу я порой на родные курганы;
Поднимайтесь, густѣйте полночи туманы!
Да не зритъ Гидаллана нещастный Ламоръ! . . .

Гидалланъ.

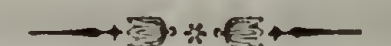
Я гонимъ безпощадно жестокой судьбою —
И ужель навсегда ты отринешь меня?
Не послѣдній во браняхъ, я правъ предъ тобою. . .
Повели—и за славой быстрѣе коня
Я помчусь—и найду ее въ царствахъ далёкихъ! . . .
Иль, отецъ мой! на радость дней хилыхъ твоихъ
Я съ отважными псами, въ пустыняхъ родныхъ —
Поражать буду вепрей и сернъ круторогихъ!
Но въ то время веселой улыбкой своей
Ты утѣшишь ли сына, Ламоръ непреклонной,
И съ лицемъ просвѣтлѣвшимъ, рукой благосклонной
Ты коснешься ль кровавой добычи моей?

Ламоръ.

Принеси мнѣ изъ за̀мка мечь предковъ широкій,
Сохраненный моимъ знаменитымъ отцомъ;
И веди меня, сынъ мой, на холмъ одинокій,
Подъ которымъ покоится тихимъ онъ сномъ!

И лобзая сей мечь, сопротивнымъ ужасный,
Онъ воскликнулъ, склоняся на камень простой:
»Гермалонъ! съ облаковъ взоръ привѣтливый свой
Отврати ты на вѣки отъ Балвы несчастной,
Опозоренной сыномъ безславнымъ моимъ. . . .«

Онъ умолкъ; и внезапно мечемъ роковымъ
Поразилъ Гидаллана и палъ вмѣстѣ съ нимъ! . . .

ГРОЗА.

(Посвящается М. С. Шигаю.)

Мой другЪ! взиралЪ ли ты на грозный бунтЪ Природы,
Когда внезапно вЪ лѣтній зной
Мрачатся тучею сѣдой
НебесЪ лазуревые своды?
Смотри: поднялся вихрь, взвѣвая пыль столбомЪ,
Блеснула молнія, вдали ударилЪ громЪ,
ВѣтрЪ гнѣвный борется сЪ высокими древами;
Нахмурясь, бурная рѣка
Сердито бьется о брега
Холмоподобными волнами!
Повсюду шумЪ, повсюду страхЪ!
Здѣсь птицы кроются на трепетныхЪ кустахЪ,
ТамЪ робкія стада тѣснятся на лугахЪ;
И селянинЪ трудолюбивый
ЗастигнутЪ бурею среди отцовской нивы. . . .

Онъ смотритъ: все чернѣй надъ нимъ густѣетъ мгла..
Вотъ быстролетная громовая стрѣла,
Стремяся съ грохотомъ и разсѣкая тучи —
Вдругъ поражаетъ дубъ могучій
Среди крутыхъ горы вершинъ. . . .
И запылалъ лѣсовъ столѣтній исполинъ!
Горитъ, дымится, разгоняетъ
Внезапнымъ блескомъ грозный мракъ. . . .
Такъ на морѣ, въ ночь бурную, маякъ
Пловцамъ опасный путь привѣтно озаряетъ —
Съ туманнаго чела скалы сторожевой!
О! кто съ холодною душой
Внималъ сей рокотъ, трескъ и гулъ неукротимый?
Кто въ самыхъ ужасахъ природы не читалъ
Твоей великости, Творецъ непостижимый?
Кто и при свистѣ бурь Тебѣ не посвящалъ,
Въ жару сердечнаго моленья —
Отрадныхъ слезъ благоговѣнья ?

Но съ облачныхъ высотъ, покрытыхъ тьмой,
Вдругъ хлынулъ дождь стремительной рѣкой,
И долго льется шумный, рьяный. . . .
Вотъ тише, тише онъ, — всё смолкнуло кругомъ,
И радуга на небѣ голубомъ
Уже раскинула свой поясъ златордяный!

Ликуютъ радостно ожившія поля,
Пышнѣй зазеленѣли горы,
Въ лѣсахъ раздались птичекъ хоры,
И снова мирная земля,
Какъ новобрачная, блистаетъ красотою! . . . .
Въ тотъ часъ, во глубинѣ восторженныхъ сердецъ,
Не всѣ ли смертные, о благостный Творецъ!
Тебя привѣтствуютъ чистѣйшею мольбою?

Мой другъ! когда свѣтило юныхъ дней
Насъ грѣетъ яркими лучами,
Не такъ ли и гроза незапная страстей
Бушуетъ яростно надъ нами? . . .
Бѣды, смѣняяся бѣдами,
Вдали туманятъ путь земной. . . .
И сколько тотъ блаженъ, кто вѣрой въ Провидѣнье
Остановилъ грозы стремленье —
И громъ утишилъ роковой! . . . .

ПРИЗНАНІЕ.

(1822.)

Когда, отчаяньемъ томимый,
Я на колѣнахъ предъ тобой
О Нина! скромною мольбой
Смягчалъ твой гнѣвъ неукротимый;
Когда ко мнѣ сердитый взоръ
Склоняя, будто бы ошибкой,
Ты недоступною улыбкой
Нашъ отклоняла разговоръ;
Когда не могъ я равнодушно
Плѣняться розой устъ твоихъ,
Ни блескомъ локоновъ златыхъ,
Ни стана гибкостью воздушной;
Когда я втайнѣ примѣчалъ,
Что сердца Нины пламень скрытый,
На жаркія ея ланиты
Живымъ румянцемъ набѣгалъ:
Тогда, безъ гордости поэта

И съ обнадеженной душой,
Я отъ красавицы младой
Ждалъ на признаніе отвѣта!
Но чтожь? отвергнула она
Меня съ холодностью надменной!
И тщетно лиры оскорбленной
Играетъ звучная струна!

—•—

СОНЪ.

Мой другъ! въ минуты размышленья
Хотѣлъ я, вспомня твой совѣтъ,
Забыть Амура обольщенья
И вѣтренность протекшихъ лѣтъ!
Настала полночь. Сонъ чудесный
Мнѣ очи томныя сковалъ,
И привидѣній рой прелестный
Вкругъ изголовія леталъ!
Когдажь заря по своду неба
Свой путь игривый начала,
И предвозвѣстницею Феба
Природѣ дремлющей была;
Тогда, порхая надо мною
На быстрыхъ, пламенныхъ крылахъ,
Амуръ, съ колчаномъ за спиною,
Съ усмѣшкой хитрой на устахъ —
Шепнулъ мнѣ на ухо привѣтно:
»Ты спишь, съ тобой и сердце спитъ,
»Межъ тѣмъ, какъ время незамѣтно
»Чредой обычною летитъ!

»Всему есть въ мірѣ обновленье;
»Лишь человѣкъ, игрушка бѣдъ,
»Разъ постарѣя, въ утѣшенье,
»Минувшихъ не воротитъ лѣтъ!
»Вся жизнь его есть день ненастный,
»Доколь съ надоблачныхъ высотъ,
»На небосклонъ его неясный
»Любви свѣтило не взойдётъ!«...

Я пробудился.... прежней вѣры
Я власть увидѣлъ надъ собой....
Забытъ обѣтъ недавній мой!
Приди, приди дитя Цитеры!
Опять я вѣчный плѣнникъ твой!

КЪ НАДИНѢ.

(1823.)

Скажи, прелестная Надина!
Настанетъ ли тотъ мигъ святой,
Когда могущая судьбина
Соединитъ меня съ тобой?
Скажи, гдѣ брегъ очарованья,
На коемъ сбудутся желанья
И легкокрылыя мечты?
Гдѣ мы, слíясь душа съ душою,
Нетерпѣливою рукою —
Похитимъ счастія цвѣты?

Но нѣтъ, о другъ мой несравненный,
Сей брегъ плѣнительный далёкъ:
И я, съ тобою разлученный,
Печаленъ, мраченъ, одинокъ,
Уже влачу любви оковы....
И не утѣшенъ плѣнникъ новый

Надежды яркою звѣздой!...
Скажи: въ часы тѣ роковые,
Когда узрѣвъ тебя впервые,
Я былъ прельщенъ твоей красой;

Когда, (о юной страсти сила!)
Когда твой взоръ я разгадалъ,
И ты собой осуществила
Дотоль мой тёмный идеалъ:
Тогда, скажи, о другъ прекрасной,
Ужели мнѣ твердилъ напрасно
Какой-то, внятный сердцу, гласъ:
»Вотъ та, которой въ снахъ мгновенныхъ,
»Пророческихъ и вдохновенныхъ,
»Ты посѣщаемъ былъ не разъ!

»Узнай и взглядъ, всегда привѣтный,
»И станъ волшебницы твоей,
»И жаръ ланитъ, едва замѣтный,
»И пламень дѣвственныхъ очей!
»Въ удѣлъ вамъ небо присудило
»Любовь — отрадное свѣтило,
»На утрѣ юношескихъ лѣтъ!
»Блаженъ, кто имъ путеводимой
»Къ мѣтѣ далекой и незримой —
»Свершилъ священный свой обѣтъ!«

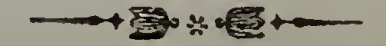
И что жь? пустымъ лишь упованьемъ
Плѣнёнъ обманутый мой умъ!
Я тѣшился очарованьемъ
Минутно-сладкихъ сердцу думъ!...
То не былъ гласъ-благовѣститель,
То былъ жестокій обольститель
Души довѣрчивой моей!
Разлуки скорбный часъ раздался,
И вѣчной жертвой я остался —
Амура хитраго сѣтей!

Но мнѣ, гонимому судьбою,
Будь утѣшеніемъ любовь!
Такъ! съ язвой сердца роковою,
Анахоретъ родныхъ бреговъ,
Я, лютымъ горемъ удрученный,
Лишь буду жить, о другъ безцѣнный,
Давно-желанныхъ благъ мечтой!
А если жизни цвѣтъ увянетъ,
И мой послѣдній мигъ настанетъ —
Умру съ любовію святой!....

УТѢШЕНІЕ.

Не грусти, о другъ мой милый!
Сотня вёрстъ — и я съ тобой!
Проясни же взоръ унылый,
Отуманенный тоской!
Отъ бреговъ Десны родимой,
Страстью пламенной томимой,
Къ Волжскимъ я лечу брегамъ!
Кони мчатся по полямъ,
Колокольчикъ раздаётся....
Ахъ! пусть звукъ его несётся
Къ мирной родинѣ твоей,
Какъ привѣтъ души моей!
Пусть онъ скажетъ вѣсть свиданья!
Часъ блаженства недалёкъ,
И святыя ожиданья
Совершитъ могущій рокъ!
Позабудь же сердца муки,
Удали печаль разлуки:

Всё пройдетъ, какъ лживый сонъ!
Но въ душѣ не гаснетъ онъ,
Сей огонь небесъ священный,
Въ насъ любовію возженный!
Милый другъ! онъ вѣкъ горитъ!
Чтожь минутное страданье?
Намъ разлука — испытанье!
Связь сердецъ она крѣпитъ!

Мѣдное,
Почтовая станція.

ВИДѢНІЕ БАЛТАЗАРА.

Na тронѣ Царь. Среди палатъ
Вельможи, въ пышномъ одѣяньѣ,
При свѣтѣ тысячи лампадъ
Съ нимъ раздѣляютъ ликованье.
Все радостью оживлено!
И въ чашахъ древнихъ, драгоцѣнныхъ,
Еговѣ прежде посвященныхъ,
Кипитъ безбожника вино!

Вдругъ, о невиданное диво!
Среди стѣны (гласитъ правдиво
Почтенной древности молва)
Рука узрѣлась. Начертала
Непостижимыя слова
Какъ на пескѣ — и указала
На оныя слова перстомъ,
Какъ очарованнымъ жезломъ....

Оцѣпенѣлъ Монархъ угрюмый!
Его блѣднѣетъ скорбный ликъ,
И укорительныя думы
Сковали трепетный языкъ!
Пиръ остановленъ. Въ изумленьѣ
Безмолвствуетъ Сатраповъ рядъ;
Всѣ съ явнымъ ужасомъ глядятъ
На небывалое видѣнье,
И всё объято тишиной!...

Вдругъ, будто бы во тмѣ ночной
Тревожной грезой пробужденный,
Такъ возгласилъ Монархъ смущенный:
»Сюда, Халдейскіе жрецы,
»И Вавилона мудрецы!
»По волѣ вашего владыки
»Откройте смыслъ волшебныхъ словъ,
»Прервавшихъ радостные клики
»Моихъ торжественныхъ пировъ!« ...
Монарха очи огневыя
Мрачатся гнѣвомъ и тоской;
Онъ къ небу грозному впервые
Подъемлетъ взоръ молящій свой....

Но старцы тщетно вопрошаютъ
И опытность протекшихъ дней,
И тайны Магіи своей. . . .
Они тѣхъ словъ не постигаютъ:
Всё тёмно, всё ужасно въ нихъ!

Вотъ плѣнникъ юный и смиренный,
Какъ будто свыше вдохновенный,
Къ стыду гадателей сѣдыхъ
Прочёлъ легко то начертанье,
Предъ трономъ мощнаго царя. . . .
И чтожь? когда вошла заря,
Сіе свершилось предсказанье:
»О Балтазаръ! вотще мольбы!
»Твоя могила ужь изрыта!
»Отъ гнѣва праведной судьбы
»И власть земная не защита!
»Твояжь на роковыхъ вѣсахъ
»Была легка, какъ дольній прахъ!
»Порфиру смѣнитъ саванъ пыльный. . . .
»И знай, такъ присудилъ Творецъ,
»Персъ, Мидянинъ во браняхъ сильный,
»Раздѣлятъ царскій твой вѣнецъ!«. . . .

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА.

Мой другъ! съ тѣхъ поръ, какъ узы брачныя
Соединили насъ съ тобой,
Доселѣ небеса безмрачныя
Всё были мирны надо мной!
Досель, среди уединенія
Чужды и шума и суетъ,
Срывая розы наслажденія —
Мы знали цѣну юныхъ лѣтъ!
Досель, въ одно душой сліянные,
Въ своемъ укромномъ уголкѣ,
Моглиль разлуки дни туманные —
Предугадать мы вдалекѣ?
Но онъ насталъ, сей часъ мучительный!
Влекомый случая игрой,
Прости сказавши, въ путь томительный
Пустился я съ моей тоской!....
Но ахъ! она, меня преслѣдуя,
Мнѣ тяжко на сердце легла,
И, съ нимъ задумчиво бесѣдуя —
Съ нимъ раздружиться не могла!

Изчезли грезы и видѣнія,
Внушители отрадныхъ думъ,
Погаснулъ пламень вдохновенія —
И омрачился скорбный умъ!
О другъ мой! грусть неодолимую
Какъ отогнать мнѣ отъ себя?
Какъ душу, грустію томимую,
Мнѣ успокоить безъ тебя?...

Такъ, въ дни сердечнаго страданія
Ничто, ничто не мило намъ,
И нѣтъ нигдѣ очарованія
Разочарованнымъ глазамъ!...
Когда же я, на крыльяхъ радости,
Лечу игривою мечтой
Къ тебѣ, подруга мирной младости!
Къ тебѣ, прекрасный ангелъ мой!
Тогда недолгаго ненастія
Съ очей опадетъ пелена,
Тогда опять восторгомъ счастія
Душа по прежнему полна!

Ужь я, тобою оживляемый,
Любовь! о лучшій неба даръ,
Предвижу свой возвратъ желаемый,
И поцѣлуевъ сладкій жаръ,

И быстрое сердецъ біеніе,
И ихъ привѣты на устахъ,
И пламенное восхищеніе —
И слёзы въ радостныхъ очахъ! . . . .

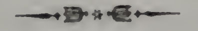
Ужь близокъ часъ сей утѣшительной!
Какъ прежде, счастье нашихъ дней
Пускай струёй невозмутительной
Течётъ на родинѣ моей!
Пусть наше небо, столь отрадное,
Какъ прежде, тѣшитъ насъ всегда;
И намъ присудитъ, благодатное,
Не разлучаться никогда! . .

Г. Черниговъ.

1826.

ЛЮБОВЬ.

Такъ, любовь есть даръ святой,
Нашей жизни усладитель,
Нашихъ горестей цѣнитель,
Неизмѣнный и благой!...
Но, друзья, несчастенъ въ свѣтѣ
Тотъ, кому всесильный рокъ,
Юныхъ лѣтъ въ прелестномъ цвѣтѣ
Грустный подтвердилъ урокъ:
Что надежда — обольщенье,
Что любовь — пустой законъ,
Что невинность — принужденье,
А блаженство—только сонъ!...

СПЯЩАЯ ФЛОРА.

На ложѣ лилій бѣлоснѣжныхъ
И розъ, обрызганныхъ росой,
Спитъ Флора. Надъ ея главой
Паритъ мечтаній легкій рой
И сновидѣній безмятежныхъ!
Благоговѣйно пышный садъ
Блюдетъ покой своей царицы,
Лучи воскреснувшей денницы
Надъ ней привѣтливо горятъ.
Плѣненный Флорою прелестной,
Морфей длитъ сна ея часы;
Струятся по груди небесной
Златокудрявые власы....
Очаровательно пылаетъ
Невинныхъ устъ ея багрецъ,
И соловей — любви пѣвецъ,
Богини слухъ обворожаетъ!
Межъ тѣмъ Зефиры по цвѣтамъ

Вкругъ ней рѣзвяся прихотливо,
То шепчутся, то молчаливо
И страстно льнутъ къ ея ногамъ;
То дерзновенными крылами
Неся покровы за собой,
Они любуются красами
Богини вѣчно-молодой!...

ЭЛЕГІИ.

МОГИЛА ЮНОШИ.

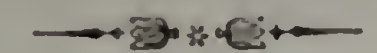
Увы! здѣсь юноша, во цвѣтѣ лѣтъ сраженный,
Почіетъ вѣчнымъ сномъ подъ кровлей гробовой!
Зарею счастія плѣненный,
Онъ могъ ли предузнать печальный жребій свой?...
Надежда сердце обольстила,
Онъ къ ней одной довѣрчивъ былъ....
Но скоро хитрая Фортуна измѣнила —
И юношу ея ударъ не пощадилъ!

День брака наступалъ. Въ безумномъ ослѣпленьѣ,
Онъ не молилъ благое Провидѣнье
О счастіи грядущихъ дней;
Но, гордый, такъ мечталъ: »Съ подругою моей
»Я съединюсь у алтарей
»Союзомъ истиннаго счастья....
»Ужь брачные вѣнцы сплетаются для насъ,
»И наша жизнь промчится безъ ненастья,
»Какъ утра вешняго свѣтло-прелестный часъ!...

»Пора, пора, о другъ мой несравненный!
»Далеко ты—но я, на твой сердечный зовъ,
»Домчусь безгорестно въ страну твоихъ отцовъ,
»Животворительной любовью окриленный!
»О! надъ любовію не властенъ самый рокъ!
»Его не страшны мнѣ угрозы«. . . .
Но чтожь? недугъ сразилъ... Гдѣ наслажденья розы?
Мечтатель! ты увялъ, какъ луговой цвѣтокъ,
Внезапно срѣзанный косою! . . .

Вы, съ коими идя дорогою одною,
Самонадѣянный, онъ рокъ пренебрегалъ,
И торопливою рукою
Цвѣты и терны вмѣстѣ рвалъ,
О счастья баловни! пусть холмъ сей молчаливый
Всегда напоминаетъ вамъ,
Сколь гибельно душой надменной и кичливой —
Не довѣрять всемощнымъ Небесамъ!
А ты, о ранній гроба житель,
Столь праведно наказанный судьбой,
Ты въ хладномъ гробѣ спишь—а другъ невинный твой
И сердца и души плѣнитель,
Не зная, что сбылось съ тобой,
Быть можетъ тѣшится отрадными мечтами,
И тайнымъ трепетомъ ея тѣснится грудь;
И предъ невѣстою душистыми цвѣтами —
Подруги юныя устлать готовы путь! . . .

О злополучная Алина!
Къ тебѣ домчится вѣсть объ участи Едвина —
Но своенравный Гименей
Вамъ не зажжетъ свой пламенникъ священный!..
О! нѣтъ, уже въ странѣ родной,
Подъ мирной тѣнію березы вѣковой —
Спитъ непробуднымъ сномъ женихъ твой незабвенный!...
Почти его и ты прощальною слезой!...

ОСТАВЛЕННОЕ ЖИЛИЩЕ.

(1822.)

Увы! *ея* ужь нѣтъ со мною!
Давно печальный часъ разлуки прозвучалъ!
И знать съ измѣнницей - мечтою
Мнѣ измѣнило всё, чѣмъ сердце обольщалъ.

Но, горестный, въ жилище Нины
Пойду я робкою стопой!
Тамъ, милая, забывъ жестокости судьбины —
Я наслаждусь еще бесѣдою съ тобой!
И я достигъ обители знакомой!...
Ужь ключь таинственный мнѣ двери отворилъ!
Вхожу. Нѣтъ Нины тамъ! Уныніемъ влекомой,
Я всюду взорами туманными бродилъ —
И спятъ окрестности средь тишины ночныя!
Лишь стрекоза подъ муравой жужжитъ,
И, возлетя порой на сосны вѣковыя,
Пустынная сова пѣснь полночи гласитъ!

О, сколь печальное въ жилищѣ семъ молчанье!
Остановилася здѣсь стрѣлка на часахъ,
Чтобы не воскрешать въ душѣ воспоминанье
О прошлыхъ, невозвратныхъ дняхъ!
Здѣсь арфа звучная, съ ослабшими струнами,
Безмолвствуя, виситъ въ забвеньи на стѣнѣ....
Ахъ! Нина нѣкогда прелестными перстами
Играла пѣснь любви, столь памятную мнѣ....
И можетъ быть ужь оной арфы звуки
Не отзовутся въ семъ пріютѣ никогда!
Ихъ не услышу я.... и только сердца муки
Останутся со мною навсегда!
И гдѣ ты, Нина, другъ со мною разлученный!
Въ какихъ живешь странахъ небесныхъ, иль земныхъ?
Гдѣ дни прекрасные, стезей невозмущенной,
Текутъ, какъ ручеекъ межь береговъ родныхъ?
Мои глаза, еще все полные слезами,
Когда утѣшатся твоею красотой?
Когда ты, милый другъ, невинными устами
Мнѣ снова повторишь любви обѣтъ святой?...
Но новый другъ уже въ чужбинѣ
На вѣкъ тобой, быть можетъ, завладѣлъ!
Увы! жестокосердой Нинѣ
Уже не жалостенъ плачевный мой удѣлъ!
Я жь, какъ цвѣтокъ, съ возшедшею зарёю
Мгновенно вянущій на опческихъ поляхъ,

Забытый, милая, тобою —
Быть может съ жизнію прощусь въ младыхъ годахъ,
И мой могильный холмъ, печально-одинокой,
Близь незабвенныя обители твоей,
Пришельца привлечетъ — и въ думѣ онъ глубокой,
Навѣрно посвятитъ мнѣ вздохъ души своей!

И я, любовью окриленный,
Примчусь изъ вѣчности святой;
Невидимо сей кровъ, о другъ безцѣнный!
Я буду охранять, какъ стражъ надежный твой!
А ты, ведомая таинственной судьбою,
Вновь посѣтя страну твоихъ отцовъ,
Уже ли не почтишь мой хладный прахъ слезою —
И не украсишь гробъ и горстію цвѣтовъ! . . .

УМИРАЮЩІЙ ВИРГИЛІЙ.

Вѣ убогой хижинѣ, одинѣ среди чужбины,
Виргилій, на одрѣ болѣзненной кончины,
Взялѣ лиру — и его прощальный, томный гласѣ,
Раздался такѣ, увы! уже вѣ послѣдній разѣ:
»О Августѣ! продолжай ко славѣ путь прекрасный!
»Мой конченѣ. Ужь судьба меня не пощадитѣ!
»И рано, лютыхѣ Паркѣ предшественникѣ ужасный,
»Безвѣстный нѣкій хладѣ всю грудь мою тѣснитѣ!
»Напрасно возвращенѣ тобою и богами
»Мнѣ уголокѣ земли на отческихѣ брегахѣ!
»Меня не приметѣ онѣ — и чуждыми руками
»Я буду погребенѣ вѣ незнаемыхѣ поляхѣ!
»О Партенопа! градѣ, котораго равнины
»Своимѣ пристанищемѣ послѣднимѣ я считалѣ!
»О, сколь завидны мнѣ холмовѣ твоихѣ вершины!
»Сколь мирно бы мой прахѣ подѣ ними почивалѣ!
»И Нимфы оныхѣ мѣстѣ, на памятникѣ смиренный
»Носили бы цвѣты вечернею порой,
»И странникѣ, можетѣ быть молвою привлеченный,
»Не разѣ бы посѣщалѣ пріютѣ спокойный мой!

»Прости жь, о Мантуа, наслѣдіе родное,
»Прости блаженный кровъ моихъ безвѣстныхъ дней!
»Кремоны горестной сосѣдство роковое
»Да не страшитъ моихъ отеческихъ полей! . . .
»Вы, други милые, я разстаюся съ вами!
»Тибуллъ, Овидій, Флаккъ и ты, о нѣжный Галлъ,
»Восплачьте обо мнѣ! и трижды за пирами
»То мѣсто, гдѣ межь васъ я, други, засѣдалъ,
»Да будетъ пусто. Вы жь свершите возліянье
»Плутоновой страны всесильнымъ божествамъ;
»И ваши я стихи, чувствъ дружнихъ въ воздаянье,
»Протекшихъ лѣтъ пѣвцамъ Еллады передамъ!
»Но смерть, меня на вѣкъ отъ славы увлекая,
»Близка — а подвигъ мой еще недовершёнъ!« . . .
При сихъ словахъ, глаза кругомъ себя вращая,
Хладѣющей рукой взялъ Энеиду онъ,
И вдругъ воскликнулъ такъ, недугомъ изнурёнъ:
»Прочь, слабое дитя, ничтожный міра житель!
»Лишь имени пѣвца упрекомъ будешь ты!
»Погибни на кострѣ! Пусть пламень-истребитель
»Разрушитъ юныхъ лѣтъ безумныя мечты!
»Когдажь угасну я, о Альмедонъ любезный,
»Молю, не позабудь обѣтъ единый мой:
»Сожги ты въ жертву Музъ сей трудъ, столь безполе
»Давно, давно уже имъ обреченный мной! . . .

И съ гимномъ симъ его прервалося дыханье,
И замеръ на струнахъ плачевный лиры звонъ.
Но вотъ— чтобы свершить Поэта завѣщанье,
Съ благоговѣніемъ усердный Альмедонъ
Средь хижины возжегъ и ель и кедръ душистый....
»О Энеида! твой послѣдній близокъ часъ!«
Сказалъ... но передъ нимъ мгновенно пламень чистый,
Какъ очарованный, разсѣявшись, погасъ!
Трикраты обновленъ, огнь, старца предъ очами,
Всё гаснулъ. Альмедонъ исполненъ страха былъ;
И Римлянамъ, какъ даръ благихъ небесъ, вручилъ
Поэму дивную, спасенную богами! . . . .

МОЕ УБѢЖИЩЕ.

(1823.)

Solitude heureuse et champêtre,
Séjour du repos le plus doux,
Le raison me ramène à vous ;
Recevez enfin votre maître !
PARNY.

Я вижу вновь тебя, о край моихъ отцовъ,
Мнѣ вѣчно-памятный и вѣчно сердцу милый!
Тебя, младенчества о незабвенный кровъ,
И васъ, о прадѣдовъ священныя могилы!
Раскиньте надо мной привѣтственную сѣнь
Вы, родины моей пространныя дубравы!
И моего возврата свѣтлый день
Да обновитъ во мнѣ восторгъ любви и славы!
Здѣсь, разорвавши цѣпь столичной суеты,
Еще въ объятіяхъ свободы отдыхаю;
Сюда Олимпа съ высоты
Васъ, о Камены, призываю!
Пусть лира стройная бряцаньемъ веселитъ
Мои лѣса, луга и горы и долины,
Пусть имя милое Надины —
Она всечасно имъ звучитъ!

Свершилось давнее желанье!
Вновь привела судьба меня
Въ мѣста, гдѣ мирное живетъ воспоминанье,
И гдѣ протекшее столь ясно вижу я
Во всемъ его очарованьѣ!
Куда сокрылась ты, о радость дней младыхъ?
Гдѣ время то, когда въ семьѣ родимой
Не зналъ я ни заботъ, ни горестей земныхъ?
Ахъ! годы счастія промчалися незримо!...
Уже родители лежатъ въ землѣ сырой,
Ужъ братьевъ и сестеръ, доселѣ кругъ единый,
Изчезъ.... всѣ разошлись различною стезёй
По волѣ мощныя судьбины!
Но не изглажены ничѣмъ въ душѣ моей
Живыя дѣтства впечатлѣнья,
Предвозвѣстившія отрадою своей
Благотворящаго Парнасса вдохновенья!
Забуду ли я васъ, о пылкія мечты,
Вы, коими мои всѣ чувства разгорались,
Когда весной природы красоты
Мнѣ въ восхитительной картинѣ представлялись?
Еще тогда любилъ я шумъ родимыхъ водъ,
И легкокрылаго зефира дуновенье,
И солнца радостно-торжественный восходъ,
И въ густотѣ дубравъ пернатыхъ сладкопѣнье!

Порою утренней блуждая по садамЪ,
Которые кругомЪ цвѣли и зеленѣли,
Я часто приходилЪ Пенейки кЪ берегамЪ *
Плѣняться звуками пастушеской свирѣли!
О! какЪ уныло сЪ плескомЪ волнЪ
Ея сливалися отзывы!
Шумѣли яворы подЪ тѣнью древней ивы,
И рыбака отважный чёлнЪ
Носился по рѣкѣ стрѣлою....
А тамЪ, влекомые прохладою садовЪ,
Плывя межь злачныхЪ острововЪ —
Два стройныхЪ лебедя гордились красотою!
Или, подЪ сводомЪ липЪ, черемухЪ и берёзЪ,
ДарившихЪ мнѣ пріютЪ сѣнистой,
ДышалЪ я сладостнымЪ благоуханьемЪ розЪ
И вешнихЪ ландышей и лиліи душистой!

ВЪ тѣ дни Поэзія — посланница боговЪ,
ЖезломЪ магическимЪ меня обворожила,
И Муза чистый жарЪ пѣвцовЪ
ВЪ моей груди воспламенила!
И не погасЪ огонь сей неземной!
Но, произнесть дерзнулЪ судьбинѣ укоризну?
Наслѣдный домЪ мой пустЪ — и вЪ милую отчизну
Я возвратился сиротой!

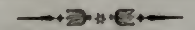
* Рѣка въ селѣ Автора.

А ты, родителей моихъ священный прахъ!
Покойся мирнымъ сномъ въ хранительныхъ гробахъ!
О незабвенные! какихъ воспоминаній
Я не соблюлъ о васъ въ душѣ моей?
Вы въ жизни шли путемъ благодѣяній —
Прекрасной цѣли вашихъ дней!
Вы руку помощи съ улыбкой простирали
Недужному и сиротѣ!
Вы беззащитную вдовицу призирали—
И ваша дверь была отверзта нищетѣ!
И сколько благъ за то дано вамъ небесами!
Обильныя поля растили вѣрный плодъ!
Полнѣли житницы — и счастія дарами
Вы богатѣли всякій годъ!
И домъ вашъ былъ предѣлъ веселья, ликованій!
Туда, съ довольною душой,
И другъ и ближній и чужой —
Несли вамъ чувствъ сердечныхъ дани!
И чтоже? радости измѣнчивы, какъ сны!
Всему есть срокъ неизбѣжимой!
Вы смерти раннія косой неотвратимой
Безжалостно поражены!

Но добродѣтели, какъ горнія свѣтилы,
Которыя всегда привѣтственно горятъ,

Не затмѣваются и въ сумракѣ могилы;
Нѣтъ, и оттоль еще другимъ благотворятъ!
Я помню оный день, когда судьбы велѣнье
Воззвало мать мою отъ міра въ лучшій свѣтъ;
(Я съ ней оплакалъ разлученье
Во цвѣтѣ отроческихъ лѣтъ,)
Я помню: колоколъ разнесъ лишь вѣсть печали,
Какъ сирые уже со стонами, въ слезахъ,
Тѣсняся въ храминѣ; съ молитвой окружили
Ихъ благодѣтельницы прахъ!
Сколь тронулъ душу мнѣ сей видъ краснорѣчивый!
Ихъ вопли слезные — завидный мавзолей!
Имъ тяжко зрѣть сей ликъ печальный, молчаливый,
И непробудный сонъ безжизненныхъ очей!
И слышалъ: раздались сердецъ благословенья,
Къ могилѣ гробъ ея сопроводивъ....
А ты, о милый прахъ! прости мои хваленья:
Сыновнія любви то слабый лишь отзывъ!...
О! если сей унылой пѣсни звуки
Къ потомству позднему дойдутъ;
На свитокъ мой, быть можетъ, внуки
Слезу горячую прольютъ!
Къ блаженной старинѣ перелетятъ мечтою,
Во слѣдъ за Музою моей;
Любуясь вашихъ дѣлъ красою,
Виновники моихъ безвѣстныхъ дней!

А я, исполненъ упованья,
Молить Зиждителя я буду всякій часъ,
Да водворитъ на вѣкъ и упокоитъ васъ
Въ обители, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханья!
Когдажь весны святая благодать
И землю оживитъ и небосклонъ лазурный,
Я буду первыми цвѣтами украшать
Воздвигнутыя вамъ въ родимомъ храмѣ урны. . .
Къ нимъ, увлекаемый внезапною тоской,
Я буду приходить безмолвный и угрюмый,
Чтобы протекшаго мечтой —
Животворить души и сердца думы! . . .
Но въ одиночествѣ могу ли счастливъ быть?
Ужь мнѣ назначена подруга небесами!
И здѣсь, межь вашими гробами,
Клянуся ей не измѣнить!
Внемлитежь нынѣ вы любви моей признанья
И сердца юнаго священнѣйшій обѣтъ!
О! еслибъ на мои воззванья
Я могъ услышать вашъ отвѣтъ! . . .

КЪ ЦИНТІИ.

Нѣтъ, Цинтія! о нѣтъ, я смерти не страшусь!
Я бездну вѣчности узрю безъ содраганья!
Но съ жизнью потерять любовь твою боюсь —
И для меня тяжка̀ минута разставанья!
Киприды сыномъ я навѣки побѣждёнъ
Любовь воспламенитъ и пеплъ мой охлажденной....
Ты помнишь: по слѣдамъ подруги незабвенной
Протезилай преплылъ мятежный Ахеронъ;
И, чтитель своего священнаго обѣта,
Казалось, пренебрегъ жестокость Парки злой....
И я, о Цинтія, умчу любовь съ собой
Къ далекимъ рубежамъ невѣдомаго свѣта!...

Тамъ тщетно бъ зрѣлись мнѣ, во блескѣ вешнихъ дней,
Красавицы сіи, цвѣтъ милый дѣвъ Троянскихъ,
Аргивянъ плѣнницы среди полей Дарданскихъ —
Ничтожна прелесть ихъ предъ красотой твоей!
О! еслибъ мощными гонимый небесами
Въ юдоли суеты тебя я пережилъ;
Тогда, съ печалію и тихими слезами,
Надъ прахомъ бы твоимъ я вѣчно слезы лилъ!....

Но нѣтъ! живи, мой другъ! и въ грозный часъ кончины
Мой тяжкій переходъ къ безсмертью облегчай,
Роптаній дерзостныхъ къ богамъ не возсылай —
И я не устрашусь карающей судьбины! . .
А если безъ меня соперникъ молодой
Набросить на тебя, мой другъ, оковы плѣна
Отторгнетъ Цинтію отъ урны роковой
И повлечетъ ее предъ жертвенникъ Гимена. . .
Тогда. . . Но для чего смущаться сей мечтой,
Какъ нѣкимъ горестнымъ, зловѣщимъ сновидѣньемъ?
Будь мнѣ всегда вѣрна, о другъ безцѣнный мой!
И цѣлый вѣкъ любви покажется мгновеньемъ! . . .

ПОСЛАНІЯ.

КЪ СЧАСТЛИВЦУ.

(Посвящено Г. Г. Кулябкѣ-Корецкому.)

На мирномъ брегѣ водъ любимыхъ,
Покрытый мудрости щитомъ
И чуждъ пустыхъ суетъ, толпой боготворимыхъ,
Смиренно ты живешь въ наслѣдіи родномъ,
Гдѣ время мчится съ быстротою,
Блаженства твоего не унося съ собою!
Разсвѣтъ твой ясенъ былъ; и на зарѣ моей
Завиденъ мнѣ закатъ твоихъ прекрасныхъ дней!

Земныя радости, отрады, наслажденья,
Летятъ, какъ молніи среди грозы ночной;
И лишь любви одной
Намъ дороги святыя впечатлѣнья!
Кто, кто изъ насъ не преданъ имъ?
Такъ! чистый огнь любви, внутри души горящій
И смертнаго животорящій —
Воспламеняется и гаснетъ вмѣстѣ съ нимъ!

Возвысить разумъ намъ, смирить страстей порывы:
Вотъ тайна бытія, неясная для всѣхъ;
Но ты постигъ ее. Твой уголокъ счастливый
Есть для тебя предѣлъ веселій и утѣхъ!
За отческій рубежъ ты не стремишь желанья;
Но всеобъемлющей, свободною душой,
Паришь надъ сферой мірозданья —
И знаній горній свѣтъ сіяетъ надъ тобой!

Ты зришь, что Гангеса иль Тибра на брегахъ
Всё люди были тѣжь, всегда, во всѣхъ странахъ,
Лишь въ разныхъ образахъ,—и что среди вселенной
Въ порядкѣ вѣчномъ все кружилось безпремѣнно!
Ты зришь сквозь тайный мракъ временъ
Затмѣнье тысячи племенъ,
Какъ звѣздъ въ надоблачномъ эѳирѣ!
Отъ прошлаго лишь остается тѣнь. . . .
Такъ, срокомъ бытія назначено въ семъ мірѣ:
Народу вѣкъ, а человѣку день!
И время, оправдавъ законъ сей неизмѣнной,
Низвергло троны всѣхъ вѣковъ;
Оно съ собой умчало дерзновенно
И самыхъ древности боговъ! . . .

Средь сихъ всеобщихъ разрушеній,
Подъ мрачной тучей заблужденій,

Скажи: безбѣдно ли пройдетъ своимъ путёмъ
Мудрецъ—мірскихъ превратностей свидѣтель,
Доколѣ онъ себѣ не изберетъ вождёмъ
Спасительную добродѣтель? . . . .
Ты истинный мудрецъ! въ твоихъ стѣнахъ,
Въ прелестныхъ рощахъ и садахъ,
Твоей рукою насажденныхъ,
О! сколько дней я проводилъ блаженныхъ,
Гостепріимствомъ услажденныхъ! . . .

Творецъ! всегда внемли ему,
Когда, въ жару святаго изступленья,
Къ Тебѣ возноситъ онъ смиренныя моленья:
Кто проситъ малаго, всё ниспошли тому!
Пусть онъ съ подругою веселыми очами,
Въ дни мирной старости своей,
Любуется красой дѣтей,
Какъ древо юными плодами!
Пусть златомъ жатвъ блестятъ поля его всегда,
Пусть воды озера яснѣютъ,
Пусть тополи его густѣютъ,
Пусть небосклонъ его не тмится никогда! . . .
А я, надеждами и юностью влекомый,
На утломъ челнокѣ въ путь дальній, незнакомый,

Пускаюсь противъ бурь и яростныхъ валовъ. . . .
И счастливъ, если я, отъ бѣдствія спасенный,
Свой брошу якорь притупленный —
Близь сихъ привѣтныхъ береговъ! . . .

КЪ НЕПОСТОЯННОМУ ПОЭТУ.

Счастливый любимецъ заботливыхъ Музъ!
Ужели и ты возроптал на судьбину?
Ужели, богатый дарами ся,
И ты оцѣнить ихъ еще не умѣешь?
Отъ самаго дѣтства тебя осѣнялъ
Крылами божественный Генiй-хранитель,
Тебя онъ украсилъ, еще въ пеленахъ,
Всегда зеленѣющимъ лавромъ безсмертья!
И съ первымъ дыханьемъ, когда колыбель
Лишь съ лона природы тебя восприяла,
Когда еще, мiра незнаемый гость,
Едва ты увидѣлъ границы земныя. . . .
Сей вождь благодатный, представъ предъ тобой,
Тебя уже встрѣтилъ гармонiей лиры,
И ты улыбался, какъ раннiй цвѣтокъ,
Рожденный лучами весенняго солнца!
И трепетной, слабой рукою своей
Уже ты стремился къ симъ струнамъ волшебнымъ,
И лира покорно играла хвалу

Грядущему славы, любви пѣснопѣвцу!
Тебя возлелѣялъ Хранитель святой,
На путь вожделѣнный тебя онъ направилъ,
И жизни туманную даль озарилъ —
Отраднымъ свѣтильникомъ райской надежды. . . .
Но ты, о безумецъ! но ты пренебрёгъ
Всещедраго Неба благія даянья,
И, рабъ закоснѣлый ничтожныхъ сустъ,
Среди развлеченій роскошной столицы,
Ты, мнится, на вѣки уже позабылъ
Высокое жизни своей назначенье. . . .
Смотри: твой хранитель, томимый тоской,
Невидимой тѣнью порою мелькая,
Задумчиво бродитъ въ знакомыхъ мѣстахъ,
Какъ въ дальней чуждбинѣ пришлецъ безпріютный!
Безгласно забытая лира виситъ
На вѣтвяхъ тѣнистыхъ стариннаго дуба;
Лишь изрѣдка вѣтеръ колеблетъ ее —
И тихо трепещутъ ослабшія струны!

Въ брегахъ величавый красуется Днѣпръ,
И нивы и домы обильемъ блистаютъ,
Повсюду веселье! а радости нѣтъ
Въ безмолвномъ жилищѣ пѣвца молодаго!
Денница разбудитъ природу отъ сна,
Съ эѳирнаго свода изчезнутъ туманы,

И утра предвѣстникъ — игривый Зефиръ
Прохладно повѣетъ въ тѣнистой дубравѣ. . . .
Ты сладостной думой не будешь встрѣчать
Восходъ свѣтозарный румянаго Феба;
И лиры знакомой привѣтливый звукъ
Не будетъ средь мирныхъ полей раздаваться. . .
И юныя дѣвы, вечерней порой
Сплетяся предъ домомъ твоимъ въ хороводы,
Не будутъ, какъ прежде, тебя восхищать
Веселымъ напѣвомъ отеческихъ пѣсень!
И пастырь, гонящій на холмы стада,
Взирая на домъ твой, давно опустѣвшій,
Такъ скажетъ подругѣ: »Здѣсь мирный пѣвецъ
Прославилъ блаженство пастушеской доли!«
И скажетъ оратай, склоняся на плугъ:
»Онъ пѣлъ наслажденья и жизнь земледѣльцевъ!«
И скажетъ пришелецъ: »Меня онъ спасалъ
»Отъ скорбныхъ недуговъ подъ кровомъ пріютнымъ!
»Знать ранней кончиной пѣвецъ похищёнъ!
»Уже ли въ забвеньи сей прахъ драгоцѣнный?
»Почто не воздвигли гробницы надъ нимъ,
»Да странникъ о нѣжномъ пѣвцѣ возрыдаетъ?« . . .
Твой Геній, незримо присутствуя тамъ,
Безмолвно услышитъ сей горестный ропотъ;
И тяжкой, невольной печалью томимъ,
Тебѣ посвятитъ онъ слезу состраданья!

Сокроется солнце въ бездонныхъ водахъ,
Туманъ вновь обляжетъ лѣса и долины,
Луна на спокойное небо взойдётъ,
И звѣзды покатятся въ путь лучезарный. . . .
Но ты всё въ чужбинѣ, о юный пѣвецъ!
Напрасно природа красы расточаетъ;
Тебѣ ль нѣтъ веселья въ отчизнѣ твоей,
Гдѣ дышетъ всё сладкимъ душѣ вспоминаньемъ?
Тамъ нѣтъ драгоцѣнныхъ приманокъ для глазъ,
Ни злата, ни мраморовъ пышныхъ заморскихъ;
Но тамъ всё святое: и дѣдовскій прахъ,
И кровъ, гдѣ провёлъ ты безпечную младость!
Пѣвецъ! возвратися въ родную страну!
Тамъ ждетъ тебя жизни прямое блаженство:
И пѣсни — судьбины возвышенный даръ,
И всѣ наслажденья души благородной!...

КЪ Н***

Le seul Amour monta ma lyre.
CUNYNGHAM.

Приближилась минута роковая!
Безцѣнный другъ! разстаться должно намъ!
Таинственной судьбы рука святая
Меня опять ведётъ къ роднымъ странамъ!
Ахъ! струнъ моихъ невнятное бряцанье,
Какъ чувствъ отзы́въ безсильной и нѣмой,
Возможетъ ли изобразить страданье
Моей души, исполненной тоской?...
Но и тебѣ знакомы сердца муки!
Ты знаешь, другъ, какъ тяжко проливать
Слезу любви къ печальный мигъ разлуки...
За чѣмъ же мнѣ скорбь сердца растравлять?
Нѣтъ, на Творца возложимъ упованье!
Онъ, милая, нашъ не отринетъ гласъ,
Онъ ускоритъ блаженное свиданье —
И низпошлетъ утѣху въ грустный часъ!...

Но есть еще отрады мнѣ другія!
Какъ сладостно, одушевясь мечтой,
Воспоминать минуты тѣ святыя,
Когда одинъ бесѣдовалъ съ тобой,
И ко своей груди воспламененной
Твою, мой другъ, я руку прижималъ!
О! съ чѣмъ сравню тогда мой рокъ блаженной
Я, мнится, рай душой моей вкушалъ!
Тогда и розъ ланитныхъ измѣненье,
И огнь любви въ потупленныхъ очахъ,
И быстрое сердечное біенье,
И прелесть словъ на ангельскихъ устахъ —
Всё было мнѣ въ тебѣ очарованьемъ!
Забудуль васъ, о райскіе часы,
Когда любви плѣнительнымъ мечтаньемъ
Я оживлялъ природы всей красы?
Денницы свѣтъ казался мнѣ прекраснѣй,
И вѣтерокъ въ поляхъ порхалъ живѣй,
И ручейки журчали сладкогласнѣй —
И звонче пѣлъ дубравный соловей!

Всходилъ ли день — восторженной душою
Его привѣтъ я радостно встрѣчалъ;
Спускалась ночь — съ любимою мечтою
Мои глаза спокойно закрывалъ!

И снова я, природы съ пробужденьемъ
Спѣшилъ къ тебѣ—встрѣчалъ твой нѣжный взглядъ,
Онъ тысячи дарилъ душѣ отрадъ —
И всякій часъ былъ новымъ наслажденьемъ!

И силу я позналь любви святой,
Когда, ея могуществу подвластной,
Не столько былъ плѣнёнъ красой земной,
Сколь прелестью души твоей прекрасной!
Сей чистый огнь невинности въ очахъ
Твоей души, мой другъ! изображенье....
О! не свѣтлѣй заря на небесахъ,
Несущая вселенной обновленье!

Забуду ли священныя мѣста,
Гдѣ обрученъ, прекрасная! съ тобою,
И гдѣ твоя младая красота
Взлелѣяна подъ кровлею родною!
Забудуль васъ, о свѣтлые брега,
Столь Нéптуна обильные дарами,
Гдѣ Волга, Цна, Тверца и Мста водами
Животворятъ и долы и луга!
Тамъ, распустивъ свой парусъ окриленной,
Пловцы летятъ къ далекимъ берегамъ;
Для нихъ ничто свистъ бури разъяренной,
Знакомъ имъ путь и по самимъ скаламъ! *

* Здѣсь разумѣются *Боровицкіе пороги.*

Но далеко мое воображенье
Уносится за рѣзвою мечтой!
Воспоминать — въ разлукѣ утѣшенье:
Прости же мнѣ восторгъ невольный мой!
О другъ! душѣ и сердцу вѣчно милый!
Покойна будь и слезъ не проливай!
Ко мнѣ пиши—утѣшь мой духъ унылой,
И на Творца надежду полагай!
А ты, о часъ святаго сѣдиненья,
Намъ скоро ли, отрадный, прозвучишь?
Отдашь назадъ былыя наслажденья,
И грустныя сердца развеселишь?
Еще мой другъ, въ дни тягостной разлуки
Бесѣда Музъ отрадой будетъ мнѣ!
Она, души разгнавши скорбь и муки,
Меня въ родной утѣшитъ сторонѣ!
Поэзіи благотворящій Геній
Меня мечтой любви одушевитъ;
Онъ низпошлётъ мнѣ пламень вдохновеній,
Давнишніе восторги возвратитъ—
И счастливъ я, когда напѣвъ мой лирной,
Раздавшися въ поляхъ отчизны мирной—
Къ тебѣ, о другъ безцѣнный, долетитъ!

КЪ А. Н. ГЛѢБОВУ.

(Отвѣтъ на письмо.)

Напрасно, товарищь мой!
Ты ждешь пѣснопѣнія
Отъ Музы печальныя!
Стрѣлою промчалися
Тѣ годы веселые,
Когда, не тревожимый
Заботой и горестью;
Игралъ я, восторженный,
На лирѣ незнаемой!
Когда я блаженствовалъ,
Хранимый Пенатами
Подъ кровомъ отеческимъ;
Когда и сіяніе
Денницы румяныя,
И птичикъ гармонія,
И вѣтра дубравнаго

Привѣтное вѣянье,
И шопотъ чуть слышимый
Ручья тихоструйнаго —
Всё душу спокойную
Питало Поэзіи
Огнемъ жизнодательнымъ!

Въ часы ли вечерніе,
Когда облекалася
Окрестность туманами,
И, ночи владычица,
Луна величавая
По своду небесному —
Уже совершила путь;
Тогда я, задумчиво
Блуждая вдоль берега
Пенейки родимыя,
Къ себѣ звалъ отрадную
Богиню мечтанія....
Я звалъ — и Фантазія
(На время покинувши
Страну небожителей)
Съ улыбкою ангельской
Слетала привѣтливо,
Въ одеждѣ лазуревой,

Вѣнчанная лаврами
И бѣлою лиліей —
Эмблемой невинности!
Почто всемогущій рокъ
Въ удѣлъ не назначилъ мнѣ
Даръ Гёте безсмертнаго,
Иль лиру Жуковскаго,
Всегда сладкозвучную?
Тогдабъ я прославить могъ
Посланницы Фебовой
Красы несравненныя:
И кудрей волненіе,
И взоровъ божественныхъ
Небесныя прелести,
И станъ неописанный,
И розы стыдливости —
Ланитъ украшеніе!

Но счастье умчалося,
Какъ призракъ обманчивый!
Товарищь! въ родной странѣ,
Гдѣ прежде лишь радости
Мнѣ были подругами,
Я лью слезы горести
На урны надгробныя

Безцѣнныхъ родителей!
И струны безмолвствуютъ
На лирѣ разстроенной;
И свѣтъ вдохновенія
Съ селенья надзвѣзднаго
Не грѣетъ ужь болѣе —
Пѣвца одинокаго!

Вотъ, праздникъ творенія,
Весна возвратилася!
Всё новою жизнію
Въ природѣ красуется.
Смотри: здѣсь, какъ бархатомъ,
Поляны одѣлися
Травою зеленою.
Зефиры полдневные,
На крыльяхъ неслышимыхъ
Порхая по воздуху,
Несутъ благовонія
Съ долины цвѣтистыя;
Тамъ гордые лебеди
Плывутъ по роднымъ водамъ
Прозрачнаго озера;
И бѣлыми крыльями
Поверхность безструйную —

Колеблютъ чуть видимо.
Тамъ звучными хорами
Пернатыя радостно,
Привѣтствуютъ мирное
Весны возвращеніе!
Такъ! всё оживляется
Весельемъ и счастіемъ!
Лишь другъ твой, сиротствуя
Въ странѣ праотеческой,
Давно охладѣлъ уже
Къ красамъ мірозданія!

Мечты благодатныя!
Когда возвратитесь вы
Со всей вашей прелестью,
Столь мнѣ утѣшительной?
Ты, лира, пробудишься ль
Отъ сна безотраднаго?
Товарищъ! съ молитвою
Прибѣгни къ всесильному
Зевесу-подателю,
Всегда благосклонному
Къ твоимъ пѣснопѣніямъ!

И, можетъ быть, съ горняго
Боговъ обиталища,
Ко мнѣ обратитъ опять
Онъ взоръ милосердія!

А ты, столь внимательный
Къ питомцамъ любимѣйшимъ
Харитъ и Каменъ младыхъ!
Зевесъ! не лиши меня
Мечты вдохновительной,
Столь мощно врачующей
Всѣ скорби юдольныя!
Пусть огнь сей божественный
Дотолѣ горитъ во мнѣ,
Пока не разстанусь я
Съ мятежною жизнію!...

1821 г.

КЪ Т—ВУ.

(1822.)

Любовь красавицамъ игрушка!
Батюшковъ.

Товарищъ — другъ! позволь усердными стихами
Тебѣ подать спасительный совѣтъ!
Уже передъ собой, межь разными путями,
Ты видишь путь, ведущій въ шумный свѣтъ!
Опасенъ смертнымъ входъ въ сей океанъ безбрежной!
Недовѣряй, о плаватель младой,
Ни вѣтру тихому въ пучинѣ водъ мятежной,
Ни звѣздочкѣ на тверди голубой!...
Хоть очаруются неопытные взоры
Ласкательствомъ и прелестью Цирцей,
Хотя Сиренъ-пѣвицъ заманчивые хоры —
Плѣнятъ тебя гармоніей своей:
Всё, всё не можешь ты избѣгнуть, другъ мой милый,
Губительныхъ и вѣчно грозныхъ скалъ
Харибды лютыя и безпощадной Сциллы —
Гдѣ не одинъ ужь смертный погибалъ!

Но дряхлой старины давнишнія сказанья
Возобновлять мнѣ нынѣ для чего?
Открытыхъ сердца чувствъ простыя изліянья
Товарищь мой пойметъ и безъ того!

Ты въ бурный свѣтъ вступилъ. Ужь вьётся надъ тобо
Киприды сынъ съ губительной стрѣлой;
Въ блестящихъ обществахъ, межь праздною толпою
Незримо онъ стремится за тобой!
И, съ дѣтскихъ лѣтъ его поклонникъ неизмѣнный,
Алиною уже плѣнился ты;
О ней въ тиши семьи мечтаешь, восхищенный,
О ней одной и въ шумѣ суеты!
Денницы первый лучь тебѣ не столько ясенъ,
Сколь чистый огнь Алининыхъ очей!
Не столько вешній гимнъ пернатыхъ сладкогласенъ,
Сколь звукъ ея привѣтливыхъ рѣчей!
И ты любимъ! и ты уже благословляешь,
О юноша, удѣлъ завидный свой!
Уже съ Алиною въ восторгѣ заключаешь
Союзъ любви и вѣрности святой!
Но, не внимай любви обѣтамъ прихотливымъ!
Какъ рѣзвые Зефиры на поляхъ,
Какъ мотыльковъ рои надъ доломъ молчаливымъ—
Она легка въ обманчивыхъ словахъ!

И я, богинею Пафоса ослѣпленный,
	На алтаряхъ ей жертвы воскурялъ;
И я, невѣрною красавицей плѣненный,
	Ей тайный вздохъ, ей слёзы посвящалъ. . . .
И я забытъ! и нѣтъ надеждамъ совершенья!
	Гдѣжь святость клятвъ измѣнницы моей?
Гдѣ наши радости, гдѣ сердца наслажденья,
	Мнѣ льстившія блаженствомъ юныхъ дней!
Оно изчезнуло, какъ Ангелъ-утѣшитель,
	Который къ намъ въ пророчественномъ снѣ
На мигъ слетитъ — небесъ благовѣститель,
	И скроется въ ѳирной вышинѣ. . . .

Но мощный гласъ любви, но прелести Алины
	Тебя влекутъ на свой привѣтный зовъ;
Ужь прочиталъ себѣ ты приговоръ судьбины
	Сквозь пасмурный грядущаго покровъ. . .
И скоро, скоро ты, восторгомъ упоенный,
	Къ таинственной мѣтѣ своей дойдёшь;
И, обрѣтя вѣнецъ, любовью сплетенный,
	Ты, мнится, всѣхъ счасливцевъ превзойдёшь...

Но часто, по стезѣ пестрѣющей цвѣтами,
	Мы близимся къ безрадостнымъ краямъ,

Гдѣ мертво всё кругомъ — и солнце предъ очами
Не катится по мрачнымъ небесамъ!
Страшись же, юный другъ, за призракомъ-мечтою,
Достигнуть тѣхъ печальныхъ береговъ,
Гдѣ съ сердца скорбнаго трепещущей рукою —
Ужь не сорвешь страданія оковъ!
Гдѣ, можетъ быть, своей Алиною прекрасной
Ты будешь, другъ, на вѣки позабытъ. . .
О! вѣрь, ужасенъ гнѣвъ судьбины самовластной!
Жестоко онъ несчастнаго разитъ!

КЪ А. П. МЯСОѢДОВУ.

(1822.)

Какъ ты счастливъ, товарищь мой!
Живя средь свѣтскихъ наслажденій,
Амуръ и Вакхъ всегда съ тобой!
А я! . . . меня крылатый Геній,
Гость поэтической страны —
Сдружилъ съ обманщицей-мечтою!
И радости въ удѣлъ мнѣ не даны
Самовластительной судьбою!
Такъ, съ тѣхъ минутъ печальныхъ, роковыхъ,
Какъ я забытъ моей неблагодаркой —
Амуръ, мной чтимый, но коварной,
Молитвъ не слушаетъ моихъ!

Въ то время я холодною душой
Не находя отрады въ мірѣ,
И мучимый сердечною тоской,
Такъ пѣлъ любовь на томной лирѣ:

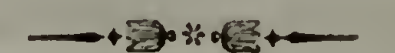
»Блаженъ тотъ юноша, который въ цвѣтѣ лѣтъ
»Отъ дѣвы-Ангела, виновницы страданья,
»Услышалъ и любви привѣтъ,
»И сердца тайныя признанья!
»Блаженъ, кто не страшась всей тягости оковъ,
»Намъ предназначенныхъ Амуромъ прихотливымъ,
Спокойно ихъ носилъ, съ терпѣньемъ молчаливымъ,
Какъ легкія гирлянды изъ цвѣтовъ! . . «

Но я, мой другъ, въ любви позналъ одно мученье,
Еще безвѣстное тебѣ:
Плѣненный Ниною и ввѣрившись судьбѣ,
Я мнилъ узрѣть своимъ надеждамъ исполненье. . .
Напрасно! лютый рокъ разлуку намъ судилъ;
И даль безвѣстная прекрасную сокрыла. . .
Но я въ душѣ любви не измѣнилъ—
Ее не измѣнитъ и мрачная могила. . .
И сладкая о прошлыхъ дняхъ мечта
Со мной останется, какъ спутникъ неотлучный
А если и меня заманитъ суета
Въ столицу шумную; тамъ равнодушный, скучный
Не обольщусь красой волшебницъ молодыхъ;
Ничто, мой другъ, меня не тронетъ въ нихъ
Ни прелесть милыхъ устъ, для нѣги сотворенныхъ
Ни розы пышныя ланитъ воспламененныхъ,

Ни яркій, чистый огнь плѣнительныхъ очей...
Ничто! все вѣрною душою
Стремиться буду я къ измѣнницѣ моей,
Которая на родинѣ своей
Хранима благостной судьбою. . . .
Но я забытъ!
И, на призывъ любви молящей,
Она и въ снахъ моихъ уже не усладитъ
Души унылой и скорбящей. . .

И я, какъ ты, товарищь лучшихъ лѣтъ,
Любилъ забавы свѣта!
Но юность протекла — и ихъ ужь болѣ нѣтъ
Для сироты — поэта!
А ты, счастливецъ мой,
По всюду за собой
Влечешь красавицъ рой
Веселой и игривой!
Рукою торопливой
Всегда ты ѳиміамъ
Амуру воскуряешь
И щедро украшаешь
Его священный храмъ!
Хотя путь разный намъ

Судьбой неумолимой
Назначенъ въ жизни сей,
О баловень любимой
И свѣта и людей!
Но посреди забавъ и суетныхъ затѣй,
Среди блестящаго столичныхъ обществъ круга,
Меня — минувшихъ лѣтъ товарища и друга,
Ужель изгладишь ты изъ памяти своей? . . .

КЪ Э. П. ПЕРЦОВУ.

(По случаю полученія отъ него стиховъ мнѣ посвященныхъ подъ названіемъ:

Пѣснь Скальда.)

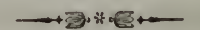
Прими, любезный мой Поэтъ,
За дружское приношенье,
Ты отъ меня въ благодаренье
Негромкихъ струнъ моимъ привѣтъ!
Такъ! съ самыхъ юношескихъ лѣтъ
Мы шли, о милый другъ, съ тобою
Неизмѣняемой тропою!
Моей ты Музѣ вѣренъ былъ!
А нынѣ снова пробудилъ
Ея лѣнивое молчанье,
И легкокрылое мечтанье
Въ моей душѣ возобновилъ!
Твоею лирою плѣненный,
Я, разсѣвая мракъ вѣковъ,
Средь хладныхъ Норда береговъ

Зрю Скандинавовъ край блаженный,
Отечество богатырей,
Громившихъ силою мечей,
Подъ знаменемъ суровой Гелы —
Сосѣдей мирные предѣлы
И даль незнаемыхъ морей!
Или стремлюся я мечтами
Въ торжественный Одена храмъ,
Гдѣ Скальды, арфы по струнамъ
Летая пылкими перстами,
Неслись и мыслью и сердцами
Горѣ — къ всемощнымъ Небесамъ!
Гдѣ витязь — гордыхъ усмиритель,
И странъ враждебныхъ побѣдитель
Мольбы Одену возсылалъ,
И брани богъ ему вѣрялъ
Въ грядущемъ родины спасенье!

Но вотъ: тамъ битву я узрѣлъ!
Сколь страшны—свистъ пернатыхъ стрѣлъ,
И воинствъ грозное боренье,
И гулъ и стукъ и трескъ глухой,
И трупы ратей убіенныхъ,
Средь доловъ, кровью обагренныхъ!
Еще, еще передъ собой
Я вижу дѣвъ, въ тоскѣ нѣмой

Туда стремящихся толпами,
Гдѣ съ чужеземными сынами
Ихъ милые среди полей
Лежатъ недвижными рядами;
И слезы тяжкія струями
У дѣвъ катятся изъ очей!
Но отъ печальной сей картины
Свой уклоняя быстрый взоръ,
Я вижу пламенный костеръ,
Вокругъ котораго дружины
Пируютъ съ чашами въ рукахъ,
Мечтая о прошекшихъ дняхъ. . . .
Межь тѣмъ какъ старики сѣдые
Смотря на нихъ, года младые
Воспоминаніемъ живятъ;
И, повѣствуя имъ о дѣдахъ,
Объ ихъ геройствѣ и побѣдахъ,
Восторгомъ мужества кипятъ!
Но мнѣ ли дерзкою мечтою
Летѣть, товарищь, за тобой?
Тебѣ назначены судьбой
Вѣнки, сплетенные рукою
Прекрасныхъ Грацій и Харитъ;
Измлада надъ тобой горитъ
Звѣзда небесныхъ вдохновеній,
И тайный утѣшитель-Геній

Тебѣ вождемъ доселѣ былъ!
Парнасскому угодный богу,
Себѣ ты вѣрную дорогу —
Уже къ Олимпу проложилъ. . . .
Мнѣжь рокъ сей доли не сулилъ!
И хоть другимъ пѣвцамъ не смѣю
Я вторить пѣснію моею,
Покоренъ будучи судьбѣ. . .
Но слыша голосъ твой знакомой,
Играю, радостью влекомой,
На лирѣ, внятной лишь тебѣ!

ПОСЛАНІЕ АРИСТОДЕМА КЪ ДРУГУ ЕГО ФИЛОКТЕТУ.

(*Объ участи Поэта.*)

Опять, оживленный священнымъ и сладкимъ восторгомъ Поэта,
Товарищь, дерзаю настроить давно не игравшую лиру!
Не громокъ мой голосъ, не звучны напѣвы безвѣстныя Музы:
Но ты имъ внимаешь, товарищь, и струны играютъ смѣлѣе!
Пускай сынъ блестящаго свѣта, вскормленный въ объятіяхъ нѣги,
Какъ Крезъ утопаетъ въ богатствѣ, подъ кровомъ роскошныхъ чертоговъ!
Пускай обожатель Фортуны, всегда измѣняющей смертнымъ,
Віяся и ползая зміемъ у ногъ и вкругъ дома вельможи,

Къ гражданскимъ заслугамъ и чести путь вѣрный
себѣ пролагаетъ!
Пускай кровожадный сподвижникъ Беллоны и грознаго Марса
Стремится съ дружиной подъ чуждое небо за лавромъ побѣды!
Пускай раболѣпною лирой пѣвецъ превозноситъ
пороки,
Пускай временщикъ, имъ воспѣтый, но славный
лишь именемъ предковъ,
Вручитъ ему ласковой дланью вѣнокъ, сплетенный заранѣ!
»Ихъ жребій завиденъ!« быть можетъ иные воскликнуть готовы
Плѣнившися ложно-блистательной долей сихъ
мнимыхъ счастливцевъ!
Но есть ли у нихъ добродѣтель — надежный, хранительный кормчій
Пловцовъ, столь отважно текущихъ по бурному
морю сей жизни?
Повѣрь, Филоктетъ, что нѣтъ краше, милѣе на
свѣтѣ удѣла,
Какъ тотъ, коимъ Зевсъ-жизнодатель любимца
Харитъ осчастливилъ!
Воспитанный ими, онъ съ жизнью принялъ вдохновеніе свыше —

И лирныя струны сдружились съ перстами руки его мощной!

Такъ! истинный Геній есть истины вѣрный поклонникъ!
На міръ сей вперяя свои наблюденья, всегда безпристрастно
Привыкъ онъ судить о дѣяньяхъ могущихъ царей и народовъ!
Его не прельщаютъ Плутуса ~~дѣянья~~. Земное богатство
Зоветъ онъ ничтожною пылью, слѣпящею смертнаго взоры!
Вселенная — храмъ, гдѣ Поэтъ есть первѣйшій, верховный служитель;
Душа же и сердце не бренныхъ, а вѣчныхъ сокровищь источникъ,
Изъ коего онъ почерпаетъ высокія мысли и чувства!
За славой мірской не стремяся, онъ часто бываетъ незнаемъ:
Въ отчизнѣ своей онъ живетъ, суеты и заботъ отчужденный.
Его помышленья высоки, какъ тайны всесильнаго Неба,

И тихо бряцанье, какъ чистыя воды потока, незримо
Поящаго нивы струей животворной, какъ шопотъ Зефира!
Онъ къ лирѣ — и всё умолкаетъ въ окружныхъ поляхъ и долинахъ,
Внимая плѣнительнымъ пѣснямъ: и въ рощахъ Эолъ не бушуетъ,
И быстрый ручей утихаешъ въ брегахъ, муравой облеченныхъ.
Среди безмятежныхъ садовъ все яснѣетъ: лилеи и розы,
Какъ дань Аполлона любимцу, приносятъ ему ароматы,
И солнце сіяетъ прекраснѣй на чистомъ, лазуревомъ сводѣ!

Пастухъ, отдыхая безпечно близь стада въ часъ знойнаго полдня,
Кидаетъ свирѣль очарованный нѣжной гармоніей лиры.
Прохожій, порой остановленный ею какъ нѣкимъ волшебствомъ,
Садится на пнѣ придорожномъ, покрытомъ травою и мохомъ,

Забывши и тягость пути и труды и усталость.
А если
Пѣвецъ подъ развѣсистымъ кленомъ, въ часъ лунной, безоблачной ночи,
Когда сводъ эѳирный какъ будто горитъ, испещренный звѣздами,
Начнетъ прославлять знаменитые подвиги доблестныхъ предковъ:
Въ то время селяне безмолвной толпою его окружаютъ.
Столѣтній старикъ, оперши́сь на клюку, со слезами восторга,
Внимаетъ хвалы тѣмъ боямъ, на которыхъ онъ бился съ врагами!
Ретивые юноши жаждутъ увидѣть кровавыя сѣчи;
А робкія дѣвы трепещутъ отъ страха, моля Провидѣнье
Отъ ихъ безпечальной отчизны на вѣкъ уклонить супостатовъ!...

Таковъ, Филоктетъ, несравненно-счастливый удѣлъ пѣснопѣвца,
Хоть онъ, какъ всѣ люди, житейскимъ недугамъ подверженъ бываетъ;

Хотя въ настоящемъ онъ часто лишь видитъ
тоску и печали:
За то сколь ему утѣшительна мысль о желанномъ
безсмертьи,
Къ которому прямо идетъ онъ тернистой земною
дорогой!

КЪ А. А. ТУМАНСКОМУ.

(Отвѣтъ на письмо)

Mes voeux ne passent point mon champêtre domaine!
LAMARTINE.

Ты правъ, мой другъ! они осуществились,
Обворожительные сны
Моей незнаемой весны!
И съ ними вмѣстѣ совершились
Давнишнія мольбы души моей
И упованья лучшихъ дней!
Разставшися съ тобой, я тяжкую тревогу
Мучительныхъ желаній претерпѣлъ:
Я долженъ былъ избрать себѣ дорогу;
Но долго ввѣриться Каменамъ я не смѣлъ...
Блистательной столицы житель
И суеты боготворитель,
Ужь я плѣняться начиналъ
Приманками большаго свѣта;

И счастливъ, что его заранѣ промѣнялъ
На долю мирную Поэта!
Тогда, повѣрь, не льстили мнѣ
Ни громкіе чины, ни славы блескъ наружный!
Загадку счастія постигнулъ я вполнѣ,
И мнилъ: они для щастія не нужны!

Услыша Музы тайный зовъ,
Влекомъ любви томительной тоскою,
Воспламененною душою
Я ожилъ наконецъ въ странѣ моихъ отцовъ!
Здѣсь вновь узналъ полуденной природы
Знакомыя давно мнѣ чудеса:
Здѣсь безтуманныя яснѣли небеса,
Струились радостно моей Пенейки воды
И гостя юнаго на сладкій пиръ свободы —
Манили древніе лѣса!
Средь сельскаго уединенья,
Отбросивши яремъ неволи городской,
Животворительной мечтой
Я врачевалъ любви мученья!
Мой другъ! тебѣ не чуждъ сердечный плѣнъ!
И ты, колѣнопреклоненъ,
Молился своему кумиру,
И ты задумчивую лиру
Любви восторгамъ посвящалъ!

Но небезплодно я страдалъ!
Промчался срокъ, назначенный судьбою;
Съ моей подругою младою
Она соединила насъ. . . .
И вѣрь, съ тѣхъ поръ мнѣ каждый часъ,
Съ тѣхъ поръ мнѣ каждое мгновенье —
Есть новое для сердца наслажденье!
Здѣсь, чуждые мятежныхъ свѣта бурь,
До сей поры мы рокъ благословляли;
Здѣсь полдня нашего спокойная лазурь
Не тмится облакомъ печали!
Знай: я нашёлъ въ безвѣстной здѣсь тиши
Самодовольствіе души,
Сіе сокровище святое,
Небесное, а неземное!
И не прельстятъ меня благъ міра красоты!
Нѣтъ, отческихъ полей свободный обитатель,
Падетъ ли Музы обожатель
Предъ истуканомъ суеты? . . .
Такъ! всеблагое Провидѣнье
Мнѣ лучшее судило назначенье!

Средь усладительныхъ трудовъ,
Пренебрегаю я пустое лепетанье
Ничтожной клеветы. Мое очарованье
Творенья Геніевъ, рожденныхъ для вѣковъ:

И пѣсни звучныя угрюмаго Байрòна
И Мура свѣтлыя мечты,
И лира Пушкина, который съ Геликона
Принесъ въ обитель Музъ столь пышные цвѣты!
О! сколько разъ властительнаго Феба
Смиренно я за то благодарилъ,
Что съ Олимпическаго Неба
Лучь новыхъ сихъ Поэзіи свѣтилъ,
Осіявалъ мой путь тернистый,
Какъ вдохновенья пламень чистый!...

Но часто, въ прошлое мечтою углублёнъ,
Я юности моей перебѣгаю лѣта,
Я помню какъ съ тобой былъ случаемъ сведёнъ
И полюбилъ въ тебѣ Поэта!
Мысль о тебѣ съ тѣхъ поръ слилася навсегда
Съ моими лучшими мечтами.
Могу ли позабыть тѣ вечера, когда,
Своими стройными стихами
Меня ты дружески плѣнялъ;
И нашъ товарищь рѣзвый, милой, *
Во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ похищенный могилой
Восторги наши раздѣлялъ!

---

* Ѳ. М. Рубецъ, незабвенный мой одноземецъ.

Я съ непритворнымъ восхищеньемъ
Прочелъ твое письмо. Ты въ пламенныхъ строкахъ
Меня обрадовалъ мечтой опрошлыхъ дняхъ,
И давней дружбы обновленьемъ!
Не усумнись и ты въ моей!
Пускай порукой будутъ въ ней
Намъ благосклонныя ~~Хаширы~~! Хариты!
А я, подъ кровлею родной,
Нетерпѣливо жду тебя, товарищь мой!
Въ пріютъ незнаемый и отъ суетъ укрытый! . . .

—⊱✻⊰—

ОИНА,

ПОЭМА ОССІАНА.

ОИНА.

Поэма Оссіана.

Когда еще не былъ покрытъ я сѣди́нами старости
хладной,
Фингалъ повелѣлъ мнѣ съ дружиной на брань; пове-
лѣлъ — и мгновенно
Мои корабли въ океанѣ, подъ неба безоблачнымъ
кровомъ,
Помчалися быстро къ брегамъ Иннисторскимъ,
при свѣтѣ Катлина.
Въ то время въ странѣ знаменитаго старца Мало-
ра, кипѣли
Ужасныя, частыя распри и войны съ его супоста-
томъ.
Нельстивой приязни и дружбы, годами скрѣплен-
ныя узы,
На вѣкъ и оружья героевъ сдружили союзомъ свя-
щеннымъ;

И насЪ-то отецЪ мой послалЪ на защиту владѣній
Малора.
Достигли. Завидя привѣтное знамя дружины Морвенской,
На брегѣ насЪ встрѣтилЪ МалорЪ, восхищенный
нежданной защитой;
Ко мнѣ престарѣлыя длани простерЪ и сказалЪ со
слезами:
»О сынЪ и сподвижникЪ Фингала! какой тебя духЪ
благотворный
»ПринёсЪ кЪ симЪ зелёнымЪ холмамЪ черезЪ бурныя
моря пучины?
»Давно ужь сосѣдній владѣтель Улина и доловЪ
пустынныхЪ
»Младый ДунтламонЪ, пораженный красой моей
дщери Оины,
»ЖелаетЪ насильно со мною столь кровнымЪ родствомЪ сЪединиться.
»Но нѣтЪ! я отвергнулЪ героя: отцы наши были
врагами!
»И онЪ, сЪ неисчисленнымЪ войскомЪ кЪ мой край
злополучный нахлынувЪ,
»Его безпощадно терзаетЪ упорной и грозной
войною!
»Напрасно обѣщанной ждалЪ я защиты изЪ странЪ
чужеземныхЪ;

»Напрасно, гонимый судьбою, взывалъ я къ союзнымъ владыкамъ:
»Они позабыли сѣдаго Малора въ годину несчастья!«
Я такъ отвѣчалъ: »О герой! всѣ несчастья твои мнѣ извѣстны,
И я вожделенный отмститель, услышавшій дружбы призванье!
Повѣрь, Оссіану не страшны кровавыя сѣчи, повѣрь мнѣ
Отъ нихъ не бѣжитъ онъ, какъ призракъ въ дубравѣ отъ бурнаго вѣтра!
Фингалу изрекъ я сыновній обѣтъ, не щадя самой жизни
Спасти и героя и друга! Нарушуль священное слово?..
Еще мой отецъ и теперь вспоминаетъ тотъ день злополучный,
Когда всегубящая буря морская, ужасно бушуя,
Внезапно примчала его корабли къ берегамъ симъ привѣтнымъ,
Гдѣ слава Малора, какъ свѣтлые холмы его, процвѣтала!
Ты ласково принялъ владыку, ты собралъ его ополченья,
Ты ихъ одарилъ; а Фингала утѣшилъ отрадною чашей!

И ввѣкъ благодарность къ тебѣ не угаснетъ въ душѣ благородной!
Тремнора завѣтнымъ мечемъ я владѣю; узнай же, что въ битвахъ
Вѣрнѣйшія наши сопутницы — будутъ побѣда и слава!...«
»О сынъ незабвеннаго друга! Малоръ отвѣчалъ со слезами,
»Подобно блистанью зари, ты разгналъ мои мрачныя думы;
»Твой дружескій голосъ во мнѣ воскрешаетъ надежды златыя!
»Не сладостнѣй нашему слуху вѣщанья Крутлоды въ то время,
»Когда онъ въ сіяніи славы нисходитъ на мшистые холмы;
»И, радуя гласомъ привѣтственнымъ Лоды нагія долины,
»Бунтующій вѣтръ укрощаетъ на черныхъ скалахъ Иннистора!
»Но вотъ горделивый орелъ ужь покинуть готовъ поднебесье,
»По коему мрачная полночь свои разостлала туманы:
»Пора отдохнуть тебѣ въ зàмкѣ Малора, о Бардъ знаменитый!..«

Изрекъ — и со мною вступалъ онъ въ блестящія
стѣны чертоговъ.
Тогда я увидѣлъ Оину! Чело отуманено грустью,
И персты едва прикасаются къ струнамъ послуш-
ныя арфы,
Которой бряцанье уныло, какъ вздохи печальнаго
сердца!
Увлажены скорби слезами, чуть блещутъ лазурныя
очи. . . .
Такъ въ полночь двѣ яркія звѣздочки тускло сіяютъ
на небѣ,
Сквозь завѣсъ сѣдаго тумана! Такъ часто порою
развѣтной
Чуть зримо сверкаетъ роса, на цвѣтахъ, межь ска-
лами растущихъ! —

Уже лучезарный царь дня выплывалъ изъ багрянаго
Понта;
А я въ восхищеньи всё слушалъ прелестныя пѣсни
Оины.
Но скоро шумъ бранный внезапно на ближнихъ по-
ляхъ раздается,
И онъ возвѣщаетъ всѣ ужасы смерти!.. Въ сосѣдней
долинѣ
Уже Дунтламонъ противъ насъ выводилъ неизчет-
ное войско!

Я мчусь на равнину; во взорахъ— губительный пламень отмщенья;
Съ мечемъ я летаю, какъ вѣтръ необузданный въ часъ непогоды,
Всё рушу; повсюду свой слѣдъ устилаю тѣлами сраженныхъ,
И скоро, встрѣчая царя ихъ, взношу свой булатъ браннoносный.
Посыпались искры отъ тяжкихъ ударовъ, земля застонала
Отъ топота коней; казалось, что самое небо дивилось
Той сѣчѣ жестокой и грозной!—Внезапно мой мечь, проникая
Броню Дунтламона, во грудь его прямо вонзился— и рана,
Глубокая рана его ниспровергла на землю. Ужасно
Багряная кровь заструилась и падшаго стоны раздались....
Безчувственный, долго лежалъ онъ, въ борении съ алчною смертью;
Но юности сила ее одолѣла. Противникъ воспрянулъ,
Очнулся—и цѣпи неволи на дланяхъ его зазвучали!
Какъ плѣнника, я Дунтламона представилъ Малору; и старецъ

Меня обнимая, такЪ рекЪ, восхищенный столь
славной побѣдой:
»Узнай ОссіанЪ, безЪ награды со мной ты не дол-
женЪ разставаться.
»Да будетЪ же милая дщерь моя даромЪ, пристой-
нымЪ герою!
»Да будетЪ она утѣшеньемЪ твоимЪ и отрадою
жизни!
»Заутра сЪ Оиной ты можешь отплыть отЪ бре-
говЪ сихЪ кЪ Морвену,
»И синее море да мчитЪ васЪ на дружнихЪ зыбяхЪ
безмятежно!
»Скажи мнѣ: чтожь большаго вЪ силахЪ свершить
я, когда изЪ сокровищь
»ПервѣйшимЪ тебѣ воздаю ОссіанЪ за пріязнь и за
доблесть?«

Двукратно ужь ночь повторяла свой путь по ту-
манному небу,
Двукратно полночныя бури вЪ окрестныхЪ лѣсахЪ
бушевали,
СЪ тѣхЪ порЪ, какЪ спокойные сны отЪ меня удаля-
лись. Лишь часто
Ко мнѣ доходили прерывные вздохи и дѣвы сте-
нанья!

Увы! то Оина! вЂ сихЂ жалобныхЂ пѣсняхЂ она изливала
Всё горе печальной разлуки сЂ героемЂ, котораго, мнила,
Жестокій МалорЂ удалилЂ вЂ безЂизвѣстныя страны, вЂ изгнанье:
»О ты незабвенный виновникЂ моей любви злополучной!
»Быть можетЂ одинЂ, на пустынныхЂ брегахЂ обо мнѣ ты рыдаешь...
»Увы! ДунтламонЂ! всё свершилось! денница на небѣ родимомЂ
»Блеснётъ и пышна и прекрасна.... но знай, что сЂ грядущей денницей
»ПохититЂ Оину желанная смерть изЂ отцовскаго зàмка!
»А вы, столь мнѣ милыя, горы, дубравы, долины и скалы,
»Уже не увидите стрѣлЂ, поражавшихЂ рогатыхЂ еленей!
»И ты моя арфа — услада и грусти и скорби душевной,
»Сиротствуй вЂ жилищѣ моихЂ праотцовЂ, позабытая всѣми!«...

Умолкла. Мгновенно я къ ней устремился... »Красавица! молвилъ
Умѣрь ты печаль и не трать по напрасну сихъ слезъ драгоцѣнныхъ!
Жестокость безвѣстна героямъ Морвена — и съ трепетной дѣвой
Имъ низко насильно дѣлиться любовью, на ложѣ отрады!
То правда, что я ослѣпился небесной твоей красотою!
Но нѣкій таинственный голосъ велитъ мнѣ скорбѣть о несчастныхъ;
И мнится вѣщаетъ: »Ты сынъ и сподвижникъ героя, ужели
»Не будешь достоинъ сихъ титлъ? ужель не потушишь ты въ сердцѣ
»Сей страсти, единымъ мгновеньемъ возженной?«... Повѣрь же Оина,
Что слезы твои не напрасны: и я Дунтламону отнынѣ
На вѣкъ отдаю всѣ права надъ тобою, съ желанной свободой!«....

И въ ту же минуту съ соперника снялъ я позорныя цѣпи.

Зачѣмъ, говорилъ я Малору, любви разторгать
сѣдиненье?
Сей витязь со славною раной оставилъ позорище
битвы;
А если когда-то ваши отцы межь собой враждо-
вали;
То вѣрно теперь, примирясь и забывши всѣ рас-
при земныя,
Они изъ единыя чаши пьютъ радость въ воздуш-
ныхъ чертогахъ!« . . .

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пѣснь Фингала на развалинахъ Балклуты.

,,Лишь тѣни грозныя дружинъ иноплеменныхъ,
,,Погибшихъ съ честію средь бранныхъ сихъ полей,
,,Слетясь въ единый сонмъ. . . . и проч.

По Миѳологіи Оссіана, тѣни героевъ усопшихъ, или сраженныхъ на полѣ брани, часто, слетаясь на холмы, посѣщали единокровныхъ и друзей; и даже тѣни враговъ Каледонянъ низлетали порой на курганы и холмы. Тѣ и другіе слушали пѣсни Бардовъ, пользовавшихся преимуществомъ — увѣковѣчивать добрую или дурную славу покойниковъ.

Прощаніе Оскара съ Мальвиною.

,,И легкихъ привидѣній бѣгъ
,,Увидишь надъ курганомъ."

Смотр. предыдущее примѣчаніе.

,,Оскаръ! отецъ мой былъ герой!"

Мальвина была дочь *Тоскара*, одного изъ витязей, воспѣтыхъ Оссіаномъ, и жена сына его *Оскара*.

Бой Фингала съ духомъ Лоды.

Духъ Лоды, по мнѣнію Макферсона и нѣкоторыхъ другихъ изыскателей, должно почитать *Оденомъ* — божествомъ Скандинавіи и всѣхъ почти Сѣверныхъ народовъ.

Лодою—называлось круго-образное мѣсто, гдѣ ему поклонялись.

„О *Сельма*! старца взоръ, потушенный годами,
„Опять веселые холмы твои узрѣлъ!"

Безъ сомнѣнія сія пѣснь есть одна изъ послѣднихъ Оссіана. Онъ, какъ извѣстно, ослѣпъ подъ старость; обращеніе же къ *Сельмѣ* замку Фингала, отца Оссіанова, есть слѣдствіе восторга, въ коемъ старецъ, исполненный воспоминаній о прошломъ, забывая слѣпоту свою, думаетъ видѣть еще чертогъ своего родителя и знакомые ему холмы, окружавшіе *Сельму*.

„Мальвина! всё уже окрестъ одѣлось мглою." и проч.

Обращеніе къ Мальвинѣ очень часто въ Поэмахъ Оссіана. По кончинѣ Оскара, прекрасная вдова его была единственною утѣшительницею и опорою осиротѣвшаго Барда. Она, играя на арфѣ, часто вмѣстѣ съ нимъ воспѣвала подвиги героевъ.

„Гдѣ замокъ *Инисторъ* въ развалинахъ лежалъ. . . .

Сей замокъ находился на островѣ того же имени, принадлежавшемъ къ числу Оркадскихъ.

„Уже Катлинъ, взойдя какъ будто на туманѣ. . ."

Катлинъ — вечерняя звѣзда у Каледонянъ.

„Твой славный супостатъ владыка грозный *Соры*...“

Одинъ изъ непріятелей Фингала, напавшій на его владѣнія во время отсутствія сего Государя.

„Уже достигъ бреговъ вѣчно-шумящей Лоры.

Лора — рѣка, называемая Оссіаномъ *шумною*, протекала близь замка *Сельмы*.

Оссіанъ къ Сюльмалѣ.

Ужъ для тебя моя готова колесница. . . .“

Тацитъ, Помпоній Мела и другіе писатели, достойные вѣроятія, весьма утвердительно свидѣтельствуютъ о томъ, что Коледоняне употребляли колесницы; но едва ли гористое положеніе страны ихъ не отвергаетъ сего мнѣнія. Впрочемъ не мудрено, если Оссіанъ имѣлъ колесницу: онъ былъ сынъ Государя Морвенскаго; и притомъ понятіе о знаменитомъ Бардѣ III-го вѣка, въ этомъ отношеніи совершенно не таково, какъ о Гомерѣ, который нищенствовалъ и вымаливалъ насущный хлѣбъ безсмертными своими пѣснями.

Послѣдняя Ода Жильберта.

Несчастный Французскій Поэтъ Жильбертъ, гонимый и людьми и судьбою, написалъ сію, переведенную мною, оду за нѣсколько дней до своей кончины. Извѣстно, что онъ

умеръ внѣ ума. Его Біографъ Нодье, стараясь всячески опровергнуть злословіе Лагарпа, столь пристрастнаго въ сужденіяхъ о жизни сего писателя; говоритъ между прочемъ: Ce qu'il y a de certain c'est que la folie de cet infortuné Gilbert, qui mourut *en donnant les plus étranges marques d'aliénation d'esprit*, produisit toutefois cette ode *imitée de plusieurs psaumes*, dont tous les amis des lettres ont retenu les admirables stances.

Видѣніе Балтазара.

Извѣстно, что Балтазаръ, послѣдній Царь Вавилонскій, давая великолѣпный пиръ своимъ женамъ, наложницамъ и вельможамъ, и употребя во время онаго золотые и серебряные сосуды, похищенные отцомъ его въ Іерусалимскомъ храмѣ; увидѣлъ на стѣнѣ чертога руку, писавшую таинственныя слова. Онѣ объяснены были пророкомъ Даніиломъ, который находился тогда въ плѣну у Балтазара. По предсказанію, сей Государь убитъ въ ту же ночь; царство его, добыча Персовъ и Мидянъ, раздѣлилось, и Дарій Мидянинъ взошелъ на престолъ Вавилонскій.

Умирающій Виргилій.

,,Напрасно возвращёнъ тобою и богами
,,Мнѣ уголокъ земли на отческихъ брегахъ!

Это относится къ тому времени въ которое поля Кре-

монскія и Мантуанскія раздѣлены были между ветеранами. Мантуа сдѣлалась несчастною по причинѣ сосѣдства съ Кремоною. Ибо, когда въ сей послѣдней недоставало земли по числу поселяемыхъ воиновъ; то для сего отрѣзаны были и земли Мантуанскія, хотя владѣльцы ихъ держали сторону Августа. Виргилій также лишенъ былъ своей наслѣдственной земли; и возвращеніемъ оной обязанъ единственно Поэзіи, привлекшей на него вниманіе знатнѣйшихъ вельможъ и самаго Августа.

,,Меня не приметъ онъ — и чуждыми руками
,,Я буду погребенъ въ незнаемыхъ поляхъ! . . .

Виргилій умеръ на половинѣ пути въ Римъ, куда слѣдовалъ онъ за Августомъ, возвращавшимся съ Востока. Тѣло Поэта перевезено въ Неаполь, городъ выстроенный на развалинахъ Партенопы.

,,Кремоны горестной сосѣдство роковое,
,,Да не стращитъ моихъ отеческихъ полей!
Смотр. примѣчаніе первое.

,,Когда угасну я, о Альмедонъ любезный!
Quelques traditions donnent ce nom au dernier hôte de Virgile.
Millevoye.

,,Сожги ты въ жертву Музъ сей трудъ столь безполезный.

Виргилій, всегда строгій къ собственнымъ произведеніямъ, не успѣлъ по желанію своему, исправить нѣкоторыя мѣста Енеиды; почему въ ней есть много недоконченныхъ стиховъ. Онъ, не задолго до смерти своей, прика-

залъ сжечь сію безсмертную поэму, прославившую золотой вѣкъ просвѣщеннаго Рима; и это бы вѣрно было исполнено, еслибъ друзья его *Туккъ* и *Варій*, не объявили ему, что Августъ на то несогласенъ. Въ предлагаемомъ стихотвореніи Мильвуа воспользовался симъ случаемъ, выразивши негодованіе Виргилія при мысли, что главнѣйшій изъ трудовъ его не доведенъ до того совершенства, къ коему онъ его готовилъ.

О и н а.

,,Давно ужъ сосѣдній владѣтель Улина и проч.

Улинъ — древнее названіе Ульстера, части Ирландіи.

,,Но нѣтъ, я отвергнулъ героя: отцы наши были врагами.

Вражда между предками была у Каледонянъ наслѣдственною и переходила въ позднѣйшее потомство. Это самое, отклоняя всякое сношеніе между таковыми непріятелями, препятствовало имъ соединяться узами родства. Стоило только сойтись двумъ подобнымъ противникамъ — и бой начинался немедленно. Напротивъ того узы дружбы между семействами были свято чтимы и переходили ненарушимо отъ одного поколѣнія къ другому.

,,Не сладостнѣй нашему слуху вѣщанья Крутлоды.

Крутлода — одинъ изъ предковъ Малора.

,,Они изъ единыя чаши пьютъ радость въ воздушныхъ чертогахъ.“

Каледоняне вѣрили, что герои, прославившіеся воинскими добродѣтелями, обитали послѣ смерти въ *воздушныхъ чертогахъ*: наслаждаясь тѣми же какъ и на землѣ радостями и счастіемъ. Ловля звѣрей была первѣйшимъ занятіемъ Каледонянъ; почему, какъ замѣчаетъ Бауръ-Лорміанъ, armés d'un arc de *neige* ou d'une lance de *vapeurs*, ils poursuivaient, dans les vastes plaines du firmament, des chevreuils de *météores* et des sangliers de *brouillards*. — Тамъ погашалось всякое чувство мщенія между обитателями воздушныхъ чертоговъ. Они иногда являлись своимъ дѣтямъ и потомкамъ, управляли произвольно стихіями; надъ людьми же не имѣли никакой власти. Они раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ духовъ. Первые были видимы на зарѣ свѣтлаго дня, у источниковъ, на курганахъ или въ долинахъ; послѣдніе жъ напротивъ того во время бурной ночи, окруженные молніею и громомъ.

Столь разнообразные вымыслы Оссіановой Миѳологіи носятъ на себѣ отпечатокъ дикой, но величественной природы Сѣвера. Греки и Римляне, народы, коихъ пламенное воображеніе блистало въ твореніяхъ великихъ писателей ихъ; умѣли обогатить свою Миѳологію вымыслами столь же пышными и роскошными, какъ сіи два владычные народа! — Сравнивая религіозныя понятія разныхъ племенъ всѣхъ частей свѣта; можно заключить безошибочно, что въ сихъ понятіяхъ ясно отсвѣчивается духъ и характеръ народовъ.

Воображеніе Грековъ и Римлянъ столь же свѣтло и плѣнительно, какъ прелестное небо Аттики и Неаполя; воображеніе Шотландцевъ сурово и мрачно, какъ берега *шумной Лоры*, какъ туманныя горы *Морвена*, какъ грозныя бури въ долинахъ *Лоды*.

Внимательное изслѣдованіе началъ, хода и постепеннаго распространенія сихъ религіозныхъ понятій, на кои такъ сильно дѣйствовали — образъ жизни, свойства и самая мѣстность народовъ; есть несомнѣнно важный предметъ для опытнаго и ученаго изыскателя.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Стих.	Напечатано:	должно читать:
90	4	Чѣмъ сердце обольщалъ	Чѣмъ сердце обольщалъ!
98	22	Но произнесть дерзнулъ судьбинѣ укоризну?	Но произнесть дерзнуль судьбинѣ укоризну?
130	7	Спокойно ихъ носилъ	,,Спокойно ихъ носилъ
—	16	Ее не измѣнитъ	Ея не измѣнитъ
133	въ заглав.	*Пѣснь Скальда.*	*Пѣснь Скальда.*
155	2	Изрекъ — и со мною вступалъ онъ въ блестящія стѣны чертоговъ.	Изрекъ — и со мною вступилъ онъ въ блестящія стѣны чертоговъ.

LCCN 53050507

